

Саша Ардаша

Создатель

Саша Ардаша
Создатель

«Автор»

2026

Ардаша С. С.

Создатель / С. С. Ардаша — «Автор», 2026

Это роман о путешествиях во времени, альтернативной истории, цене власти, ответственности за принятые решения и поиске ответа на главный вопрос: способен ли один человек изменить мир — или мир неизбежно изменит его самого?

© Ардаша С. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Создатель

Глава

Глава 1

Два "Патриота", мощные и неутомимые, словно бизон, рассекали бескрайние степи. Их рев, смешиваясь с ветром, казалось, проникал в самую суть этого дикого края. Я сидел на пассажирском сиденье, крепко держась за армированный поручень, ощущая каждый толчок и вибрацию. Предвкушение чего-то великого, неизведанного, наполняло меня, как никогда прежде. Задача, поставленная перед нами, была амбициозна найти легендарный артефакт, который, по преданиям, мог даровать невиданную силу. Мы шли по следам древних племён, их истории, высеченные в камне и шепчущие в ветрах, вели нас через непроходимые заросли и каменистущелья. Каждый поворот, каждый холм мог скрывать ответ, а мог оказаться лишь очередной ловушкой природы. Водители, настоящие мастера своего дела, словно слились с машинами. Каждое их движение было выверено, каждое решение интуитивно. Я был их тенью, их учеником, готовым выполнить любое поручение, нести любое бремя. Наблюдать за их работой, учиться их мастерству уже само по себе было ценным опытом. Свобода, которую дарила эта экспедиция, была пьянящей. Она смешивалась с чувством опасности, с осознанием того, что мы лишь крохотные песчинки в огромном океане природы. Но именно в этом слиянии, в этом преодолении себя, я находил истинное удовлетворение. Это было не просто приключение, это было рождение чего-то нового внутри меня. Но это было поэтическим отступлением, а в реальности парни из «чёрных копателей» взяли меня с собой как грубую рабочую силу за хлеб и воду. Курская область находилась под временной оккупацией, и нашу школу закрыли. Кто-то переехал, кого-то переселили, а наша семья осталась ни у кого не нужной. Мать пила, отца не было, а мне 16 лет. Все заводы закрылись, работать было негде. Чёрные копатели же копали — для них это было золотое время беззакония. Каждый день мы отправлялись на раскопки, иногда по несколько часов от деревни. Там, где когда-то стояли деревни, давно стёртые с лица земли войной, сейчас были только поля, заросшие бурьяном. Мы искали следы былых поселений, надеясь наткнуться на что-то ценное. Земля хранила множество тайн, и иногда, действительно, удавалось находить старинные монеты, осколки керамики, предметы быта. Всё это тут же оседало в карманах моих новых «друзей», а мне доставался лишь скромный паёк. Работа была тяжёлой и грязной. Приходилось часами стоять на коленях, перебирая землю, или орудовать лопатой, пробивая твёрдый грунт. Дождь, холод, палящее солнце всё это было неважно. Главное шанс найти что-то, что можно было бы продать. Мы редко разговаривали, каждый был погружён в свои мысли и в поиск. Иногда, найдя что-то действительно стоящее, на лицах проскальзывала тень азарта, но она тут же сменялась привычной хмуростью. Как звёзды на ночном небе. Но другого выхода не было. Нужно было выживать. Каждый день был борьбой за завтрашний день, где каждый найденный артефакт был не столько сокровищем, сколько шансом на кусок хлеба. Это было время, когда прошлое стало твоим настоящим, и будущее висело на волоске. Вечерами, когда мы возвращались, уставшие и грязные, я смотрел на свою мать, на пустые стены нашей хаты, и чувствовал, как внутри что-то ожесточается. Мир вокруг казался несправедливым, жестоким. Но вместе с тем, я учился. Учился выживать в этом мире, где закон молчал, а сила была единственным аргументом. Учился быть нужным, пусть и в такой сомнительной роли.

Глава 2

Шум войны отошел за горизонт и Михалыч решил на дальнюю поездку. Брать меня не хотели потому что спать планировали в машинах. Но по воле случая Степан заболел и вечером мне позвонили чтоб я собирал вещи. Утром за мной заехали. мы ехали на север области где

не было войны и не было охраны . Когда то это была исторически заповедная зона и производить коп запрещалось ,но теперь в условиях когда коптеры залетают .Стало опасно для всех. ну кроме нас думал Михалыч рискнувшись на эту вылазку. Но и нас не минула эхо войны. На второй день наших раскопов мы нашли серебряные монеты и пару мечей . Добыча обещала быть богатой . Но когда взорвался прицеп Михалыча . Всех охватил ужас . Я тоже услышал взрыв ,но что там происходило не знал потому что, был в шурфе . Когда я поднялся на веревке на верх. То перед моим взором открылся горящий джип с раскуроченным прицепом и две точки удаляющихся черных копателей. Звук машин терялся а через треск горящей машины я услышал . Шум лопастей квадрокоптера . Он завис надомной и заглянул мне в душу В тот миг, когда сверкающий объектив квадрокоптера навис надо мной, я почувствовал, как холодный пот стекает по спине. Война, казалось, пришла за нами, несмотря на все наши усилия укрыться в отдаленных уголках области. Эти люди, игроки войны, не остановились бы ни перед чем, чтобы завладеть нашей находкой. Их жажда наживы перевесила все разумные соображения, и они готовы были пойти на риск, который мог стоить нам жизни. Я опустил голову, понимая, что сопротивление бесполезно. Квадрокоптер, словно хищная птица, оценивал обстановку, фиксируя каждую деталь. Я мог только надеяться, что они не причинят вреда Михалычу и остальным, кто, возможно, еще был жив. В голове проносились картины того, как мы планировали эту поездку, как радовались предвкушению открытий, и как все это внезапно обернулось кошмаром. Когда дрон приблизился, я как будто увидел лицо пилота молодого парня с холодным, расчетливым взглядом. Он, вероятно, был наемником, выполняющим приказ. В его глазах не было ни жалости, ни сожаления. Он видел во мне лишь препятствие на пути к добыче. Я замер, ожидая своей участи, готовый к худшему. Вдруг, откуда ни возьмись, послышался звук приближающихся машин. Старенький москвич ехал по дороге желая поживиться у горящего джипа, но заметив дрон, запаниковали. Квадрокоптер резко взмыл вверх, а москвич, оставляя за собой клубы пыли, понеслись прочь. Я облегченно вздохнул, но на душе все еще оставался тяжкий осадок. Мы пережили нападение, но война оставила свой неизгладимый след. Эти серебряные монеты и мечи, которые еще недавно казались нам величайшей находкой, теперь были лишь печальным напоминанием о том, как хрупка мирная жизнь. От взрыва заложило уши, дым едкой пеленой застилал глаза. Выбравшись из шурфа, я увидел, как огонь пожирает наш транспорт. Остатки прицепа Михалыча дымились, а вдалеке уже растворялись в пыли силуэты черных копателей, унося с собой нашу добычу. Оставаться здесь было бессмысленно, да и опасно. Я бросился к Михалычу, пытаюсь привести его в чувство. Он был ранен, но жив. Степаныч, как назло, тоже отключился, видимо, от удара. Ситуация была критической. Мы оказались без транспорта, с ранеными товарищами и, казалось, совсем одни посреди дикой природы, где еще недавно царил покой. В этот момент я снова услышал его ровный, назойливый гул. Квадрокоптер. Он завис надо мной, его объектив, казалось, проникал в самую душу, оценивая ущерб и, возможно, выискивая выживших. В его беззвучном наблюдении было что-то пугающее, чуждое. Мы были в ловушке. Война, которую мы так старались обойти стороной, настигла нас здесь, в этой глуши. Технологии, которые должны были принести прогресс, теперь служили орудием нападения. И этот дрон, висящий над нами, был лишь первым предвестником дальнейших неприятностей. Пришлось спешно эвакуироваться, бросив все остальное. Надежда была только на собственные силы и на то, что удастся скрыться в шурфе. Но и этот малый шанс таял с каждой секундой, пока в небе кружил безмолвный наблюдатель. я спустился в яму которую выкопал себе сам . войну я видел в кино и поэтому надеялся что меня простят или помилуют . Я был не вооружен и не копал окопы. я мирный черный копатель и добыча уехала что с меня взять от страха я начал копать дальше . саперная лопата вгрызалась в каменистый грунт и за мной образовалась горка грунта когда раздался лязг металла и металл уперся в камень . Скала подумал я и стал разгребать грунт руками . Словно там искал спасенья. Я спустился в шурф, как мальчишка, ищущий сокровища. Не для того, чтобы обогатиться,

а чтобы отвлечься. Древние артефакты вот чем я пытался заполнить пустоту. Войну я видел только в кино, и потому, когда всё началось, была наивная надежда: мол, меня простят, помилуют. Я же был безоружен, не окопник, а всего лишь "мирный чёрный копатель". Но земля, где я осел, теперь была чужой, израненной, и машина с "добычей" уже уехала, оставив меня наедине с моим страхом. Что с меня взять? Страх накатывал волнами, заставляя хвататься за сапёрную лопату. Она вгрызалась в каменный, неподатливый грунт, оставляя за мной горку земли. И вдруг лязг. Металл упёрся во что-то твёрдое. Скала, подумал я. И начал отгребать землю руками, словно в ней искал не золото, а спасение. Любая работа, любое движение всё, чтобы не думать о том, что происходит снаружи, над моей головой. А потом землю надломило. Взрыв. И мир обрушился на меня тысячами тонн. Прижатый весом земли, я понял: школа. Я не пошёл в школу. Наверное, мои одноклассники сейчас там, в Подмоскowie, живут в общежитиях, едят в столовых, учатся. А я здесь, погребённый. И почему я не умер сразу? Грунт, двухметровый слой, давил, но воздух был мне на удивление было чем дышать. Я шевельнулся, пытаясь найти хоть какое-то положение, и в этот момент дно моей ямы провалилось. Я упал. И снова грунт, теперь уже сверху, но он словно заперся, не придавил намертво. Отряхнув голову, я протёр глаза. Темень. И острый запах сырости. "Это ад, что ли?" мелькнула мысль. На рай это точно не было похоже. Я презирал мысли о загробной жизни. Если я был никем в этой жизни, то там, наверное, буду просто червем. Если бы я верил в рай, наверное, уже нашёл бы способ туда попасть, к этим "райским кушам". И с этой мыслью, измотанный, испуганный, потерявший всякую надежду, я провалился в сон.

Пробуждение в Другом Мире Запах гари. Он пахнул чем-то въедливым, чужим, и именно он вырвал меня из царства войны, которое ещё недавно было моим. Пробуждение было резким, сознание цеплялось за обрывки кошмаров. Я открыл глаза, но не увидел ничего, кроме кромешной тьмы. Тишина стояла такая, что, казалось, её можно потрогать, и лишь слабый ветерок доносил едва уловимый запах горячей тряпки. Инстинкт, обострённый до предела, подсказал ползи. Я выставил вперёд одну руку, другой ощупывал каменистое дно. Камни сменились чем-то более ровным, и я понял, что могу встать. Свод над головой был высоким, я мог выпрямиться в полный рост. И тут, впереди, я увидел свет. Не яркий, а словно пробивающийся сквозь плотную завесу тьмы. Движимый этим тусклым лучом, я приблизился. Это была пещера, освещённая сверху. Солнечный свет, словно золотая игла, пронзал мрак, и в его тени лежал парень. На вид моего возраста, но его грубый, стеганный халат, пропитанный кровью, и стрела, торчащая из груди, говорили о совсем другой истории. Он был азиатом, и в его руке был зажат длинный, острый кинжал. Опасен, даже в таком состоянии, решил я. Осторожно обойдя его, я увидел, что он не двигается. Потерял он, похоже, очень много крови. Жалость одолела страх. Я присел рядом. Стрела, разорвав его тело, торчала с обеих сторон. Не будучи доктором, я, однако «набил руку» на собственных ранах однажды здорово пробил ногу гвоздем и научился справляться сам. Аккуратно повернув тело. Надрезал стрелу перочинным ножиком и сломал, я потянул за древко. С глухим стоном стрела вышла. Снял его халат, промыл рану прохладной водой из ручейка, что, видимо, и питал эту пещеру. Кровь сочилась, но я вспомнил о своей рюкзаке, о кое-как собранной аптечке. Обработал рану перекисью, наложил повязку. Белый бинт быстро стал алым, но, казалось, кровотечение остановилось. И в этот момент он открыл глаза. Его взгляд был полон боли и недоумения. Он схватил меня за руку. Урус сен ким? выдохнул он на незнакомом, гортанном языке. Кто ты, русский? И тут всё вокруг озарилось ярким синим светом. Он вздрогнул, и... исчез. Исчез вместе со стрелой, халатом, кинжалом, оставив после себя лишь влажный воздух и тишину. Я замер. Бред? Наваждение? В лихорадочном поиске я ощупал всё вокруг ни древка, ни моего ножа, ни следов его присутствия. Только сырость и темень. "Бред", единственное, что смогло прийти на ум. Я пошёл на свет, к тому отверстию, через которое проникал луч. Свод пещеры становился ниже, и вот уже пришлось ползти по узкому лазу, царапая руки о камни. Наконец, я выбрался. Я оказался в густых кустах шиповника, на склоне холма. Продравшись сквозь колю-

чие ветки, я огляделся. На вершине холма, догорая, стоял наш джип. Тот самый, на котором мы приехали. А вокруг... ни души. Я снова оказался один. Но теперь я знал это уже не та война, что я видел в кино. И не та реальность, куда я попал, копая в земле.

Глава 3

Я не знаю, как это случилось, но, проведя ночь в одном из брошенных домов на окраине, к обеду следующего дня я был дома. Тяжёлый, невыносимо гнетущий воздух в нашей маленькой квартире словно сгустился ещё больше. Мама, моя мама, встретила меня с неподдельной надеждой в глазах, но, увидев мои пустые руки, лишь тяжело вздохнула и вернулась к чистке картошки. Молчание было красноречивее всяких слов. «Вечером будет машина, – сказала она наконец, её голос был полон тихой скорби. Нас эвакуируют». Я молчал. Говорить не хотелось. Стыдно было. Стыдно, что я пропал на целых два дня, а вернулся ни с чем. Стыдно, что моя «охота за кладами» оказалась такой бесплодной. Я рухнул на кровать, и тут же, мгновенно, провалился в сон. И в этом сне я скакал. Скакал на низкорослом, но сильном коне, развевая лапами какого-то грубого халата на ветру. Обернувшись, я натянувши тетиву старого лука и спустил стрелу. Один из троих преследователей, что гнались за мной, слетел с седла. Я почувствовал, как на моём лице появилась едкая, довольная ухмылка. Затем, спешившись, я бросился к крутому берегу, спрыгнул вниз и оказался у самой воды. Три всадника с блестящими мечами спрыгнули следом. Но вместо того, чтобы бежать, я, оттолкнувшись от земли, прыгнул им навстречу. Три грузных, закованных в броню мужика с длинными мечами, неуклюже, словно кувыркаясь, скатились мне навстречу. Убивал так что не думал как их убить а как можно аккуратнее . Что бы не испортить их одежду. В итоге я раздел три трупа и получил одежду без крови.. Скинув трупы в реку я поднялся на крутой берег. Грудь болела Но движения не сковывала. Так и не успев понять, что произошло, я провалился в сон. Но проснувшись понял . Это был не сон. Неприятное тревожное чувство не покидало меня и я осторожно взяв свой паспорт выскользнул из дома. Но не успел я выйти из квартала как был остановлен. Коротышка стой услышал я сиплый голос дворовых хулиганов. Мой мозг хладнокровно оценил ситуацию. Трое парней . Три цели. Три боли которые я носил в себе эти годы. Почему я это сделал я не знал. Очнулся когда хрустнула третья шея под моими руками. Я быстро обыскал их и раздел до нага. Потому что это добыча. В три прыжка я ушел в тень домов и скрылся в тени домов. Что со мной думал я. Как я такое допустил. Но я осознавал что спокоен . Потому что в меня вселилось другое сознание. Холодное , расчетливое и жестокое. Это была часть той картины мира, которую я пытался изменить, и того вектора истории, который невозможно переписать по собственному желанию. История сопротивляется тем, кто пытается её изменить. Я был обычным человеком, даже школьником, никогда не занимавшимся восточными единоборствами. И всё же каким-то образом смог справиться с троими. Я видел их, ощущал их присутствие и ясно осознавал свою причастность к происходящему. Но не чувствовал ни стыда, ни жалости. Я сделал то, что в тот момент считал естественным. То, что, как мне казалось, делал всегда. В тот миг всё происходящее воспринималось как нечто само собой разумеющееся, и меня ничто не удивляло. Понимая что пешком далеко не уйдешь и это энерго затратно я перескочил через деревянный забор и с ходу ногой выбил окно пассажирской двери шестерки. Открыв дверь я выдрал пучок проводов и соединив нужные концы завел машину. Не спеша открыл ворота и уехал в ночь. В голове крутились мысли и шла синхронизация двух сознаний. Тело двигалось и напрягались мышцы. От таких движений пришлось остановиться в лесу и выйти из машины ,тело скрючило от судороги .Сухебей лежал на мокрой траве и дергался в судорогах. Прошло уже пять дней как он выбрался из пещеры. Как он там оказался он не помнил . Но помнил засаду в которую попал. А чем кончился бой он не знал. Потому что очнулся в пещере. Обмотанный тонкой тканью. Его кто то лечил . Он это сразу понял, потому что видел эту прозрачную ткань в китае. Но это не китай и лекарей не было в его сотне. Увидев перепиленное древко стрелы с запекшейся крови понял его спасли. С тех пор ему снились краси-

вые сны о мирной жизни с изысканной едой и красивыми людьми. Сны были чужими и явно не азиатскими. Он видел вокруг себя русичей и видел в их глазах себя таким же. Откуда то появилось знание арабских цифр и мирового порядка. Он осознал **Слияние Сознаний: Эхо Прошлого** Волны сновидений неслись в разум Сухэбая не образы, а файлы, загружающиеся прямо в мозг: арабские цифры, хронология мировых событий, дата смерти великого монгола Чингисхана, покорение Руси, распад Монгольской империи и новое процветание его сыновей. Он чувствовал, как всё это сплетается, как будто лишь недавно, оказавшись в той загадочной пещере, он открыл канал, ведущий в прошлое. А тело, Артема, корчилось от боли. Мышцы, будто живые, овладевали им, наполняя его навыками борьбы за выживание, боевым опытом, который ему передавало сознание Сухэбая. Это было похоже на одновременное существование в разных эпохах. Их сознание раздвоилось, погрузившись в разные временные пласты, но оставаясь связанным единым потоком боли и обретения. Артем, теперь уже не просто человек, потерянный в чужом времени, а сосуд для древних знаний, пытался осмыслить это новое, пугающее слияние. Он ощущал не только физическую боль, но и ментальное напряжение от переизбытка информации. Прошрое, настоящее и, возможно, будущее всё это обрушилось на него, заставляя бороться не только за жизнь, но и за сохранение собственной личности. Очнувшись и осознав что в нем живет еще один человек Артем почувствовал я тягу к тому месту где все это началось . Но еще большую тягу он почувствовал к тренировкам. Сделав приседания и отжимания .Он вскочил за руль машины и помчался в ночь. Внутреннее чутье и многовековой компас древних монголов вел его к цели. На рассвете он уже подъехал к сгоревшему остову джипа и украв машину ветками пошел искать вход в пещеру. Это для него не составило труда он как дикий зверь чувствовал все вокруг. Остановившись перед кустом он еще раз размялся накачивая дряблые мышцы. Шпы веток не причинили ему вреда и он влез в узкий лаз. И вот снова эта пещера с высоким сводом. Но тут не было ни чего особенного. Артем понял, что не был готов к посещению этого места. и тогда он положил на то место где лежало раненное тело монгола свой паспорт. То единственное что у него было ценным в этот момент. Понимая что делать в этом месте не чего он выбрался наружу. И потянувшись сделал выпад рукой . От которого сам пришел в ужас. А когда третий переворот через голову . Даже не вскружил ему голову и он различил тело жаворонка в небе . Его тело плавно приземлилось на траву и он посмотрел на тело жаворонка в синем небе. Его крылышки трепыхались и он казался завис в воздухе. Артема переполняла радость . Но желудок напомнил ему , что он давно не ел.

Глава 4

Машина быстро довезла его до ближайшего посёлка. Здесь царил относительный мир. Здание администрации ещё дымилось, но сам посёлок уцелел. Артём подъехал к красивому дому и вошёл во двор. Огромный пёс с лаем бросился ему навстречу. Но ботинок Артёма оказался быстрее. Удар и пёс, перевернувшись через голову, рухнул на асфальт. Жалобно поджав хвост, он юркнул в будку, мгновенно поняв, что во двор вошёл новый хищник. Хозяин дома, стоявший на крыльце, понял это не хуже собаки. На вопрос Артёма: Есть хочу. Он молча накрыл на стол. Душу Артёма переполняли радость и гордость, но его вторая, азиатская сущность безжалостно давила эти слабые чувства в самом зародыше. Наевшись, Артём коротко произнёс: Заправь машину. Осмотрев двор, он заметил нужник и направился к нему. Вернувшись, подошёл к машине. Достали дроны, пожаловался мужик увидев в нем человека который может решить любые проблемы. Откуда они? спросил Артём. Хозяин махнул рукой в сторону балки. Вон там, за балкой. Километрах в четырёх от посёлка. Артём молча посмотрел в ту сторону, куда указывал хозяин. За последними домами начиналось открытое поле, а дальше земля проваливалась в длинную, заросшую кустарником балку. Слова человека направляли его . А его тело требовало приключений. Он хотел осознать на что он способен. Четыре километра для дрона это не расстояние. Сколько их? спросил он. По-разному. Иногда один кружит, иногда сразу три. Утром прилетают, вечером прилетают. Машины жгут, людей гоняют. Уже

двоих похоронили. Артём открыл багажник и достал небольшой рюкзак. Проверил бинокль и фонарь, затем поднял взгляд на мужика. Дорогу покажешь? Тот замялся. До балки довезу. Дальше не пойду. Почему? Там смерть. Артём ничего не ответил. Он сел за руль, дождался, пока хозяин заберётся рядом, и машина тронулась. Посёлок быстро остался позади. Асфальт закончился, началась разбитая грунтовка. По обеим сторонам тянулись выгоревшие поля. Ветер гнал по дороге пыль и сухую траву. Через несколько минут мужик показал вперёд. Вон та посадка. За ней балка. Артём остановил машину. Дальше я сам. Хозяин поспешно вышел, будто боялся задержаться лишнюю секунду. Если услышишь жужжание не стой на месте, сказал он напоследок. Машина развернулась и быстро покатила обратно. Артём остался один. Он поднялся на невысокий бугор и лёг в траву. Балка отсюда просматривалась почти полностью. Кусты, несколько старых деревьев, обрывистые склоны и узкая грунтовая дорога, уходящая вниз. Он достал бинокль. Первые пять минут ничего не происходило. Потом вдалеке мелькнула белая «Газель». Она осторожно спустилась в балку и скрылась за поворотом. Через минуту над деревьями поднялось знакомое жужжание. Небольшой квадрокоптер вынырнул из-за склона, сделал круг и завис над дорогой. Артём медленно опустил бинокль. Значит, вы здесь, тихо произнёс он. Артём не двигался. Ветер шевелил сухую траву, а жужжание дрона то усиливалось, то почти исчезало. Аппарат сделал ещё один круг и ушёл вдоль балки, словно проверяя привычный маршрут. Он дождался, пока звук окончательно растворится в воздухе, и только тогда поднялся. Спуск оказался круче, чем выглядел сверху. На склоне виднелись старые следы шин, местами осыпалась земля. Внизу было прохладнее. Кустарник рос густо, скрывая повороты дороги. Артём шёл медленно, прислушиваясь. За очередным изгибом он остановился. На обочине стоял сгоревший пикап. Кабина почернела, стёкла вытекли, металл покорежился от жара. Вокруг валялись осколки пластика и обрывки проводов. Он присел рядом с машиной, провёл взглядом по земле. Следы были старые, но не настолько, чтобы их смыло дождём. Из глубины балки донёсся глухой стук. Не выстрел. Скорее металлическая дверь или тяжёлый предмет, ударившийся о бетон. Артём медленно повернул голову. В зарослях виднелся край какой-то постройки. Почти полностью скрытая кустами, она сливалась со склоном. Если бы не прямые линии бетонной стены, её можно было принять за обычный холм. Он сделал ещё несколько шагов. Перед ним оказался старый насосный узел или заброшенная хозяйственная станция. Половина здания ушла в землю, окна были заколочены, крыша местами провалилась. Тишина. Только ветер. А потом снова тот же металлический звук. На этот раз ближе. Артём замер. Из темноты полуразрушенного входа кто-то вышел. Это был не военный. Худой подросток лет шестнадцати, в слишком большой куртке и с пустым пластиковым канистрой в руке. Он увидел Артёма и застыл на месте. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Потом подросток тихо сказал: Не стреляйте. Здесь люди. Мы просто прячемся. Моё сознание хотело им поверить. Но двадцатилетний опыт Монгола просчитал их тактику раньше, чем они сделали первый шаг. Когда из дверного проёма показался автоматный ствол, а в спину упёрлось холодное дуло ружья. Сознание лишь машинально отметило: тип оружия, дистанция, сектор поражения. Остальное сделал не разум. Как тело ушло с линии атаки, как рука перехватила ружьё у стоявшего сзади, Артём не смог бы объяснить даже самому себе. Всё произошло быстрее, чем успела возникнуть мысль. Лицо его не выражало ни страха, ни удивления. Оно вообще ничего не выражало. Он шагнул вперёд. Люди в укрытии привыкли к тому, что оружие подавляет волю. Им обещали безопасную работу: запускать FPV-дроны, стрелять по машинам, а тыл прикроют другие. Минимальный риск, лёгкие деньги, почти игра. Они понимали, что находятся уже на территории Курской области, но успокаивали себя чужими словами. Им говорили, что это превентивный удар, что противник вот-вот двинется назад, что впереди Курск, а потом Москва.. Эти объяснения позволяли не задавать лишних вопросов. И теперь какой-то молодой парень за несколько секунд обезоружил самого опытного из них бойца, которого они считали своей опорой. Тот стоял, не веря собственным рукам. Ещё мгновение назад в них было ружьё.

Теперь они были пусты. Недоумение сменилось яростью. Он взревел и бросился на Артёма. Но атака провалилась ещё до того, как успела начаться. Его движение использовали против него самого. Руки оказались вывернуты, тело потеряло равновесие, и он перелетев через голову парнишки тяжело рухнул на бетон. Когда он поднял взгляд, перед ним уже было дуло ружья. Он закрыл глаза. Сопротивляться больше не хотелось. Это была совсем не та война, которую он себе представлял. Он ожидал хаоса, испуга, людей, которые бросят оружие после крика или угрозы. Вместо этого перед ним стоял противник, который не кричал, не запугивал и ничего не объяснял. Он просто действовал. И именно это оказалось страшнее всего. И смотря в дуло своего ружья он даже не удивился. Когда вместо выстрела перед глазами возникла подошва ботинка. Когда на лица присутствующих упали капли крови. Опустилось дуло автомата и опустилось все что могло опуститься от увиденного. Ботинок пришедшего сделал из головы их куратора кровавое месиво. А его глаза бесстрастно смотрело им в душу. Из уст вырывались слова. Но все терялось в крови которую они видели. Обтерев ботинок от грязи Артем прошел за стол и еще раз подкрепился. Наступила ночь и тишина поглотила окружность. Пикап тайота медленно катил по дороге. Даже по хозяйски деловито не опасаясь этой СВО. Потому что это была не война а какая то операция. Их наняли подвести оружие и боеприпасы для новой базы. Но увиденное их повергло в ужас и их желудки вывернуло наружу. Они еще не успели прийти в себя когда им на шею намотали кишки ребят которым они везли боеприпасы. Они тарасили испуганные глаза. Вы откуда спросил Артем. Они рассказали все что знали. Но Артем все ровно ,отрезали по три пальца на ногах и руках и сквозь боль они слышали и запомнили надолго. Это моя территория твердил им голос молодого человека. Обрато они ехали машинально. Потому что им приказали ехать ,а иначе им отрежут головы.

Глава 5

Блокпост на границе с Украиной встретил пикап в полном молчании. Машина была перепачкана кровью, грязью и следами человеческих испражнений. На капоте болталась голова их товарища с выколотыми глазами. Она медленно проехала мимо, не останавливаясь. Никто не пытался её задержать. Что-то они рано вернулись, сказал Василь, провожая пикап взглядом. Борис, стоявший у дороги с автоматом, ничего не ответил. Он смотрел на машину так, словно не понимал, что видит. Только когда пикап скрылся за поворотом, слова Василя дошли до него. Борис согнулся пополам, и его вырвало. Автомат выпал из рук. Он сделал несколько шагов назад, потом развернулся и побежал. Не к укрытию, не к командиру, домой. Потому что воевать на такой войне он больше не хотел. Пусть будет суд. Пусть будет тюрьма. Что угодно только не возвращаться туда, где человек за один день перестаёт быть человеком. Василь смотрел ему вслед и не окликнул. Он и сам впервые подумал, что некоторые вещи невозможно пережить. Хотя всей картины а именно головы на капоте он не видел. Когда пикап прибыл на базу, двое бойцов буквально вывалились из кабины. Один забился в судорожном припадке, царапая землю ногтями. Другой молча опустился на землю и обхватил голову руками. Он смотрел перед собой пустым взглядом, словно всё ещё находился там, за балкой. Что произошло? резко спросил капитан, командир их отряда. Никто не ответил. К машине подошёл английский военный советник, но, увидев её состояние и людей рядом, остановился. Его взгляд задержался на кабине, потом на лицах бойцов. Не сказав ни слова, он развернулся и быстро ушёл. Капитан видел подобное раньше в Афганистане. Тогда он тоже наблюдал отрезанные головы и кишки в виде послания и, как люди возвращались с заданий другими: молчаливыми, сломанными, неспособными связать двух слов. Но здесь его поразило другое скорость, с которой это произошло. Он посмотрел на пикап ещё раз. Что бы ни случилось, оно разрушило не только этих двоих. Оно разрушило уверенность всего отряда. В голове всплыла простая мысль: нужно менять дислокацию. Играть в войну, сидя в штабе и отмечая точки на карте, было одним делом. Оказаться в настоящей войне совсем другим. Низ живота неприятно свело. Капитан поймал себя на том, что впервые за долгое время думает не о задаче, а о том, как выбраться. Он напра-

вился к штабу. К тому моменту иностранные советники уже грузились в машины. Никто не спорил, не отдавал распоряжений, не пытался сохранить видимость порядка. Колонна одна за другой покидала расположение. Капитан не стал трогать пикап. Надев защитный костюм, он сел за руль и поехал в расположение бригады. Там царила лихорадочная суэта. Во дворе грузили ящики, снимали оборудование, заводили двигатели. По коридорам бегали связисты, офицеры говорили одновременно по нескольким рациям. К нему быстрым шагом подошёл полковник. Что у тебя случи... Он осёкся, увидев машину. Несколько секунд он молча смотрел на неё, затем перевёл взгляд на капитана. Это откуда? Оттуда, с 12 точки тихо ответил капитан. Полковник ничего не сказал. Он лишь сделал шаг назад и негромко произнёс: Немедленно в гараж. Машину отдельно. Людей к медикам и в карантин. И только потом, почти шёпотом, добавил: Если это начало, то мы ничего не понимаем о том, что происходит. Полковник молчал дольше, чем требовал ответ. Во дворе всё ещё гремели двигатели, кто-то кричал, требуя ускорить погрузку, связисты бегали между машинами, но вокруг пикапа словно образовалась пустота. Докладывай по порядку. Капитан коротко кивнул. Группа вышла утром. Связь пропала через несколько часов. К вечеру вернулся только пикап. Двое бойцов были живы, но один не узнавал окружающих, а второй с тех пор не произнёс ни слова. Полковник внимательно посмотрел на него. Они что-нибудь сказали? Только одну фразу. Какую? Капитан помедлил, словно сам не хотел повторять услышанное. «Это моя территория». И ещё: «Он был один». Полковник долго молчал. И всё? Всё. В этот момент дверь штаба распахнулась. На улицу почти бегом выскочил майор с папкой в руках. Товарищ полковник! Что случилось? Иностранные инструкторы покинули расположение. Все. Когда? Пятнадцать минут назад. Полковник тихо выругался. Это означало только одно: кто-то наверху получил информацию раньше них. Он подошёл к ближайшему грузовику, на капоте которого была разложена карта района. Красным карандашом были отмечены позиции расчётов, склады, узлы связи и маршруты патрулей. Полковник провёл пальцем по линии границы. Если они уходят, значит, считают, что район больше не удерживается. Капитан промолчал. Полковник поднял глаза. Они знали, с чем столкнулись? Не знаю. А ты? Капитан посмотрел в сторону тёмного леса. Нет, товарищ полковник. Но если верить тем двоим... там действительно был только один человек. Полковник ещё раз взглянул на карту и медленно свернул её. Иногда одного человека достаточно, чтобы изменить обстановку на всём участке фронта. Никто не возразил. Люди обходили его стороной. Кто был на машине? спросил полковник. Двое из группы прикрытия и доставки. Где остальные? Капитан покачал головой. Не вернулись целиком но судя по органам все на капоте. Полковник медленно снял фуражку и вытер лоб. Докладывай по порядку. Капитан рассказал всё, что знал. Недолго. Фактов было мало: группа вышла утром, связь пропала через несколько часов, к вечеру вернулся только пикап. Слова были не нужны. Над лагерем повисло странное ощущение. Не паника она уже прошла. Осталось другое: чувство, что привычные правила перестали работать. Где-то на востоке глухо прогремел взрыв. Никто не вздрогнул. Все уже слушали не взрывы. Все ждали звук, которого пока не было. Артём ещё не ясно осознавал что произошло. В нем поселилось существо, которая управляла эмоциями других людей. Как это происходит он не знал. Но когда его разумом овладевала сущность монгола он терял контроль над своим телом. А почему ему подчинялись или просто не сопротивлялись военные он не понимал. Возможно они по его эмоциям и движениям понимали что перед ними враг. Который на порядок выше их всех вместе взятых. В точке 12. Артём собрал все боеприпасы, дроны и оборудование в кузов и отправился к своему лагерю. Но, подъехав к сопке, сразу понял укрытия нет. Он загнал машину под нависающие ветви, тщательно укрыл её тентом и направился к кусту шиповника. Раздвинув колючие ветки, Артём нырнул в узкий лаз. Пещера встретила его прохладой. Рядом с паспортом лежали аккуратно сложенные меха и несколько золотых монет. Артём поднял одну из них и долго рассматривал. Интересно... Не прошло и суток, как его случайная мысль о золоте получила ответ. Он чувствовал: по ту сторону реальности кто-

то существует. Не призрак, не галлюцинация, а живой человек. Невидимый, неосязаемый, но настоящий. Он перебрал монеты. Все они были отчеканены в 1200 году. Золото выглядело так, словно покинуло монетный двор только вчера. Это не подарок. Это сигнал. Мысль пришла неожиданно и показалась совершенно естественной. «У нас появилась связь». Артём улыбнулся. Золото нужно мне в этом мире. А что нужно ему или мне в том мире я сын Чингисхана? Ответ пришёл мгновенно. Оружие. Чтобы добывать золото, удерживать власть и защищаться, нужны не монеты. Нужно оружие. Он вынес из кузова весь арсенал и аккуратно разложил его в пещере: автоматы, патроны, дроны, аккумуляторы, инструменты, фонари и блокнот с авто-ручкой. Закончив работу, Артём устроился в дальнем углу и вскоре уснул.

Глава 6

А в это время в том мире Сухэбай вернулся в лагерь уже в сумерках. Навстречу ему вышел сотник, принял коня под уздцы, а воины начали снимать добычу. Хорошая охота, сказал сотник. Но пообещай, что в следующий раз возьмёшь с собой людей. Что я скажу твоему отцу? Сухэбай лишь отмахнулся и вошёл в юрту. Сотник проводил его взглядом. Сын Чингисхана был рождён от наложницы, но хан любил его и выделил ему личную сотню охраны. Многие завидовали этой милости. Через некоторое время сотник вошёл в юрту. Прибыл гонец. Войско собирается у реки. Поход на Киев. Велено выступать. Хорошо, ответил Сухэбай. Когда сотник ушёл, он долго сидел молча. «Я сын хана. Но даже если прославлюсь в этой войне, останусь бастардом. Для законных наследников я всегда буду чужим». Эта мысль преследовала его с детства. Он открыл сундук, достал несколько золотых монет нынешнего года и вдруг вспомнил нож, исчезнувший в пещере. «Если нож переместился, значит, там есть проход». Эта мысль принадлежала его второй сущности холодной, расчётливой, свободной от почитания традиций и страха перед предками. Он отправился к пещере и оставил монеты рядом с тем местом, где исчез нож. Утром, перед выступлением, Сухэбай оставил четверых воинов у сопки. Когда сотня скрылась за холмами, он приказал им закопать сундук с золотом у подножия холма. Никому ни слова. Затем догнал отряд. Когда на горизонте показались бесконечные костры Орды, он неожиданно остановился. Сотник, веди сотню к войску. Я догоню. Не дожидаясь вопросов, он развернул коня и поскакал обратно. То что в его сознании поселился чужой разум он понимал и принимал это как дар богов. В пещере было темно. Сухэбай сразу почувствовал, что воздух изменился. На полу громоздилась груда деревянных и металлических ящиков. Он нащупал небольшой предмет. Подсознание подсказало ему, что нужно сделать. Щелчок. И нутро пещеры разорвал ослепительно яркий луч. Сухэбай невольно отшатнулся. Но удивление длилось недолго. Сознание словно синхронизировалось с чужими знаниями. Он уже понимал, что держит в руках фонарь. Перед ним лежали автоматы, патроны, квадрокоптеры, рации, инструменты. Оружие XXI века. Вот оно, прошептал он. Решение. Впервые за многие годы он почувствовал, что может перестать быть пешкой в чужой игре. Я сам стану ханом. Сухэбай нашёл блокнот и неровной рукой вывел: «Привет, Артём». И подумав добавил мне нужна видео инструкция. На все. Он уже знал имя человека чье сознание вселилось в его разум, потому что прочитал его в паспорте.. Писать было не привычно. Ниже он составил список того, что хотел получить. Не зная, как именно работает портал, он решил провести опыт. Перенес ящики в глубь пещеры. Затем начертил вокруг паспорта несколько кругов разного диаметра и разложил на них золото, оружие и предметы того мира. Если портал подчинялся каким-то законам, их можно было открыть. Остаться в пещере он не стал. Страх перед духами пещеры пугал его. Сухэбай вышел наружу и стал ждать наступления ночи. Вот бы сейчас пострелять из автомата подумал он. Но опыт ведения кочевой жизни подсказывал ему шуметь нельзя. Пустив лошадей пастись он сунул в рот кусок вяленного мяса. Его ни что не удивляло. Все это дары бога решил он и он сын великого Чингисхана достоин этих даров. Ночь жила звуками: ветер шуршал в кустах шиповника, где-то капала вода, потрескивали ветки. Сейчас всё стихло. А

тем временем Артем открыл глаза и сразу понял, что что-то изменилось. Ящики исчезли. Но один из них был открыт и через расстояние лежали различные предметы. А рядом на камне лежал сложенный вчетверо лист бумаги. Артём резко сел. Он точно помнил, что и где оставлял. На листе неровными, но уже вполне разборчивыми буквами было написано: «Привет, Артём. Я понял, что вещи переходят не сразу. Они исчезают ночью. Монеты ты получил. Оружие получил я. Оно страшнее любого лука. Научи меня понимать его. Пришли ноутбук с видео инструкцией ». Ниже шёл список. «Оружие. ДЭС. Книги . Как добывать железо. Как строить крепость. Что такое электричество». Артём долго смотрел на записку. Почерк был чужой, но в нём чувствовалось напряжение человека, который только учится писать на другом языке. Он поднял голову. Значит, ты существуешь. Эхо тихо повторило последние слова. Артём достал свой блокнот и написал: «Портал работает ночью. Радиус поглощения 3 метра. Значит входят предмету длиной 6 метров. Не трогай всё сразу. Некоторые вещи опасны. Сначала ответ на три вопроса. Первый: как тебя зовут полностью? Второй: где именно находится пещера в твоём времени? Третий: что произошло после того, как ты получил оружие?» Он положил блокнот в центр круга, который вчера начертил мелом. Затем взял рулетку и начал измерять расстояние от центра до предметов. Монеты лежали на круге радиусом один метр. Его паспорт в полтора. Пустой ящик и золотая монета в двух. Ржавый меч в 3 метрах.. Случайностью это уже не выглядело. Он достал карандаш и начал строить схему. Если портал переносил предметы только внутри определённого радиуса, то им можно было управлять. А если им можно управлять, то это был уже не просто портал. Это была линия снабжения через восемьсот лет. Снаружи послышался тихий шорох. Артём мгновенно погасил фонарь и замер. У входа в пещеру кто-то стоял. Несколько секунд было слышно только дыхание. Потом раздался спокойный мужской голос: Не стреляй. Я видел свет. Артём медленно поднял руки. Голос был современный. Значит, опасность пришла не из прошлого. Моё сознание сразу подсказало: случилось непоправимое. Я поспешно выбрался из пещеры и замер. У входа стоял военный а у склона холма военный пикап. Фары били прямо в лицо, ослепляя. Возле машины находились трое бойцов с российскими триколорами на форме. Руки! раздался резкий окрик. Я поднял руки и медленно пошёл к пикапу. За спиной послышались шаги кто-то сопровождал его сзади. Двое у машины держали меня на прицеле. Кто такой? спросил старший. Моё сознание лихорадочно перебирало варианты: представиться, соврать, придумать историю про заблудившегося туриста, про потерянный лагерь. Но разум Сухэбея работал совсем иначе. Пещера обнаружена. Это был единственный факт, который имел значение. А если пещера портал, значит, о ней не должен узнать никто. Никогда. Пока бойцы опустили оружие чуть ниже и начали задавать вопросы, моё тело уже приняло решение. Я резко рванул назад. Всё произошло быстрее, чем успела сформироваться мысль. Мир сузился до движений, расстояний и мгновенных расчётов. В голове вспыхнула отчаянная мысль: «Это же свои. Русские». Но она утонула в холодной логике второй сущности. Пещера прежде всего. Любой, кто узнал о ней, становился угрозой. И разум Сухэбея безжалостно отсекал всё остальное: сомнения, жалость, чувство принадлежности. Для него существовала только одна задача сохранить портал любой ценой. Моя левая рука выхватила автомат. А правая рука с длинным кинжалом разрезала не только воздух . Один из бойцов успел сесть на корточки . но приклад автомата нагнало череп. Обернувшись я посмотрел на бойца стоявшего сзади. Наши тоже бояться войны и тоже хотят жить. Я видел страх в его глазах. Но произнес лишь прости брат и его тело приняло холодный металл.

Глава 7

Артём не чувствовал ни угрызений совести, ни чувства утраты. Его разум фиксировал только то, что могло пригодиться для выживания. Всё остальное кровь, смерть, случайные жертвы отодвигалось куда-то в сторону, словно не имело значения. Это была не жестокость, а опасная форма внутреннего онемения. Это была дань богу Войны. Он погрузил тела в кузов, накрыл их брезентом и направил пикап к границе. Когда колёса пересекли проход, оставлен-

ный диверсионной группой, Артём остановил машину. Напряжение последних суток навалилось внезапно. Он положил голову на руль и уснул. С первыми лучами солнца пикап снова тронулся. Дорога была хорошо укатана, и машина уверенно шла вперёд. Внутри него вновь заговорил Сухэбей. «Странная война», думал он. «Они узнают друг друга, спорят, отступают, договариваются. Для воина моего времени война была иной: она решала судьбу рода, земли и власти. Победа или поражение меняли всё». Сознание Артёма пыталось возразить. «Это не та война, которую ты знаешь. Это СВО». Но Сухэбей не принимал таких объяснений. Для него война оставалась предельным испытанием, где не существовало полутонов. Два мира спорили внутри одного человека. К полудню военный пикап въехал в расположение части. Постовой поднял голову и застыл. На капоте лежало три распластанных тела с триколором. Машина выглядела так, словно пришла из места, где разрушились все привычные представления о порядке. Он смотрел на неё с немим ужасом и даже не подал сигнал тревоги. Потому что по части уже прошел слух о воинах апокалипсиса. Во дворе постепенно смолкли голоса. Люди оборачивались, и тишина расходилась по лагерю быстрее любого приказа. Казалось, вместе с этим пикапом приехало не подразделение, а предчувствие большой беды. Поэтому когда я вышел из салона автомобиля и сел в груженный грузовик. Вопросов ни кто не задал. Грузовик выехал из гаража. Я проверил кузов и скомандовал. Грузите минометы и боеприпасы. Полковник подошел к пикапу и заглянул в кузов и просто смотрел на происходящее. Не отдавая ни каких команд. Грузовик был загружен под завязку. Но мощный мотор мерседеса легко тронулся. Полковник проводил уходящий с расположения части грузовик с оружием. Считая что произошел равноценный обмен. Но как только машина пересекла блок пост из нее вышел парнишка и подошел к нему. Завтра я привезу золото и мне нужно в обмен российские деньги. Это было не требование. Это было констатация факта понял полковник и кинул головой. Он видел глаза этого парнишки и в них был холод войны и величие королей. От этого ему стало страшно и он понял надо валить. Но в последней просьбе он отказать не мог этому воину апокалипсиса. Машина шла по старым следам и без происшествий пересекла границу. Проход, оставленный диверсионной группой, всё ещё оставался незамеченным, и это означало, что у Артёма есть немного времени. Обогнув сопку, он загнал грузовик под прикрытие кустарника и начал выгружать арсенал. Но первым делом прочитал записку. Меня зовут Сухэбей. Я сын Чингисхана. Но это Артем уже знал. Потому что произошла синхронизация двух сознаний. Ящики с боеприпасами, минометы, квадрокоптеры, аккумуляторы, инструменты электростанцию всё переносилось в пещеру с почти механической точностью. Закончив разгрузку, он достал блокнот и схему, которую составил накануне. Расчёты подтвердились. Все предметы, оставленные внутри круга радиусом около 3 метров, исчезли. Те, что лежали за его пределами, остались на месте. Артём медленно обошёл площадку. Он измерил расстояние ещё раз. Два метра девяносто семь сантиметров. Два метра один сантиметр. Граница была почти идеальной. Портал не действовал хаотично. Он подчинялся закону. Именно это пугало сильнее всего. Значит, неизвестная сила не просто переносила предметы во времени она работала по определённым правилам. Артём отметил в блокноте: «Радиус стабильного переноса около трех метров. Переносятся только предметы, оставленные внутри зоны. Время переноса предположительно ночь». Он поднял голову и посмотрел на вход в пещеру. Где-то там, за восемью столетиями, его ждал человек, который уже начал понимать природу этого места. Не случайный свидетель. Не испуганный крестьянин. А человек, способный мыслить так же расчётливо, как он сам. Артём вдруг осознал, что эксперимент перестал быть экспериментом. Это была переписка через время. И каждый новый предмет, исчезавший в пределах этого круга, становился письмом, отправленным в XIII век. Наши сознания полностью адаптировались к реалиям своих эпох. Мы больше не пытались спорить друг с другом. Переписка через портал постепенно отсекала всё лишнее и свела наши интересы к одной цели. Главной задачей стала сопка. Не золото. Не оружие. Не власть. Именно сопка с пещерой внутри. Мы оба поняли простую истину: пока существует

портал, у нас есть шанс изменить судьбу каждого из наших миров. Если портал будет потерян, исчезнет всё. Артем съездил в украинскую сторону и получил за свое золото бумажные деньги россии. Но золота было больше. Полковник пообещал через неделю привести в точку 12 остальную сумму. Теперь у меня были деньги. И я мог заняться выкупом пещеры. Мы разделили обязанности. Артёму предстояло закрепить сопку в XXI веке. Найти владельца земли, выкупить участок, оформить документы, превратить это место в частную территорию, куда посторонние не смогут попасть без его разрешения. Законы его времени могли защитить портал не хуже крепостных стен. Сухэбею предстояло сделать то же самое в XIII веке. Только его законами были сила, золото и верность людей. Вокруг сопки должна была вырасти крепость. Сначала деревянный частокол. Потом земляной вал. Потом башни. Пещера должна была оказаться в самом центре укрепления, скрытая от чужих глаз. Доступ к ней получают только самые преданные воины, не знающие истинного назначения этого места. Мы понимали, что строим одно и то же сооружение в двух разных временах. Одна крепость будет защищена нотариусами, кадастровыми картами и заборами. Другая мечами, луками и сотней всадников. Или пушками и автоматами. Но цель у них была одна. Сохранить портал. В тот вечер я впервые почувствовал, что больше не один. Где-то за восемью веками человек, которого я никогда не видел, уже начал строить стены вокруг моей сопки. А я начинал строить стены вокруг его будущего. Завершив все дела с полковником и снабдив сына Чингисхана ноутбуком с файлами инструкциями. Он замаскировал вход и отправился в город.

Глава 8

Артём понял, что крепость XXI века начинается не с бетона и колючей проволоки. Она начинается с выписки из реестра. Он понял, что действовать нужно только по закону. Сила ничего не решала, если у тебя не было права распоряжаться землёй, техникой и людьми. Но его возраст лишил его этих возможностей. Он был несовершеннолетним, и многие решения не мог принять самостоятельно. Он поехал домой. Мать сидела у давно остывшего очага. В доме было тихо. Она ждала сына, не зная, что именно увидит, когда он переступит порог. Артём вошёл молча, подошёл к ней и крепко обнял. Прости меня, мама, тихо сказал он, даже не поздоровавшись. Она не стала его ругать. Не заплакала. Только осторожно провела рукой по его плечу и посмотрела на лицо сына. Ты вернулся, сказала она. Это главное. Артём достал из сумки толстую пачку денег и положил её на стол. Мать перевела взгляд на деньги, потом снова на сына. У тебя всё нормально? Да, ответил он после короткой паузы. Но мне нужно выкупить землю под посевы. Иначе будет плохо. Она нахмурилась. Кому плохо? Артём поднял глаза. Нам. Мать долго смотрела ему в лицо, словно искала в нём того мальчишку, который уехал всего два дня назад. Но перед ней стоял уже другой человек. Что случилось за эти два дня? Он молчал. Артём... Она заглянула ему в глаза и увидела в них усталость, которой не должно быть у подростка. Ты очень изменился, сын. Он ничего не ответил. Мать медленно села, продолжая смотреть на него. «Что делает война с людьми?» подумала она. И впервые ей стало страшно не за то, где был её сын, а за то, кем он возвратился домой. А деньги подумала она, это просто деньги и сын встал взрослым. На следующий день они приехали в районный центр. Старое двухэтажное здание администрации выглядело так, словно пережило несколько эпох и не собиралось меняться ещё столько же. За окном кабинета шелестели тополя, пахло пылью, бумагой и дешёвым кофе. Чем могу помочь? спросила женщина в очках, не поднимая глаз от монитора. Хочу купить земельный участок. Произнес Артем и протянул пяти тысячную. Она наконец посмотрела на него, потом на мать. Какой именно? Артём развернул распечатанную спутниковую карту. Вот этот участок. И прилегающую территорию. Женщина нахмурилась. Это не удобье. Там овраг, кустарник, камни. Зачем он вам? Хочу построить туристическую базу. Это была первая легенда, которая пришла в голову. Чиновница пожалала плечами. Если участок не в частной собственности, можно оформить. Нужно проверить кадастр. Проверка заняла почти час. Район Холма оказался частью большого массива сельхозземель, когда-

то принадлежавших колхозу, потом пайщикам, а затем нескольким наследникам. Документы были запутанными, границы условными. Просто купить не получится, сказала женщина. Придётся выкупать доли. Артём кивнул. Это было даже лучше. Чем сложнее схема собственности, тем меньше вероятность, что кто-то заинтересуется именно этим местом. Следующие две недели превратились в бесконечную цепочку встреч. Первый наследник жил в соседнем селе. Второй давно переехал в город. Третий вообще не знал, что у него есть доля в этой земле. Артём ездил по разбитым дорогам, сидел на кухнях, пил чай с незнакомыми людьми и терпеливо слушал истории о том, как развалился колхоз, как дети уехали, как земля никому не нужна. И как СВО настигло их здесь. Зачем тебе эта земля? спрашивали его. Хочу заняться экотуризмом. Там же ничего нет кроме войны шептали они оглядываясь. Именно поэтому и хочу отвечать я и приводил своим ответом их в трепет. Так ты от туда испуганно спрашивали они. Предполагая мою связь с военными. Я просто кивал головой, давая им повод для их фантазий. Они не торговались. Платил я немного ниже цены рынка. Люди удивлялись, но соглашались. Потому что там война, а деньги вот они здесь. Неделя в съемном жилье привела к мысли что необходимо купить дом. Если можешь себе позволить сказала мама покупай. В райцентр мы приехали рано утром. Городок только просыпался: редкие машины, пустые улицы и запах сырой земли после ночного дождя. Мы с мамой долго ездили по разным районам. Она внимательно смотрела на дома, а я на улицы, подъезды и расстояние до административных зданий. Этот дом хороший, сказала мама, когда мы остановились у аккуратного кирпичного дома с небольшим садом. Я покачал головой. Слишком близко к промзоне. И что? Спросила она недоумевающая. Если начнётся что-то серьёзное, промзона и администрация станут первыми местами, где будет много людей, техники и военных. Мама посмотрела на меня с лёгким удивлением. Ты рассуждаешь так, будто уже всё это видел. Я промолчал. Через несколько часов мы нашли дом на тихой окраине. Здесь? спросила она. Я оглядел улицу: одноэтажные дома, сады, пустырь неподалёку и удобный выезд на просёлочную дорогу. Да. Здесь. После оформления документов мы поехали искать трактор. На рынке стояли десятки автомобилей: блестящие внедорожники, дорогие седаны, яркие кроссоверы. Я проходил мимо них, почти не останавливаясь. Может, эту? спросила мама, указывая на свежеекрашенный немецкий трактор. Нет. Почему? Потому что на неё будут смотреть. Наконец я остановился возле старого, но ухоженного трактора беларусь с экскаваторным ковшом.. Вот этот. Мама недоверчиво посмотрела на машину. Она же совсем обычная. Именно поэтому. Продавец пожал плечами. Двигатель работает, коробка в порядке. Машина без сюрпризов. Я открыл капот, осмотрел мотор и кивнул. Берём. Когда мы выехали с рынка, мама тихо спросила: Ты специально выбираешь всё самое незаметное? Я смотрел на дорогу. Незаметность иногда дороже скорости. Она ничего не ответила. Только крепче сжала ремень безопасности и впервые за долгое время почувствовала, что её сын строит не просто новую жизнь он строит убежище. Но теперь он был её опорой и её будущим. Через месяц у него были подписаны все предварительные соглашения. Оставалось главное. Нотариус долго листал документы. Вы уверены? спросил он. Это почти сорок гектаров. Для турбазы многовато. Люблю простор. Нотариус усмехнулся и поставил последнюю печать. Когда Артём с мамой вышел на улицу с папкой документов, он впервые почувствовал странное облегчение. Теперь сопка принадлежала ему. Не по праву силы. По праву закона. Ему помогли Укры которые устроили бойню в Курской области и обесценили замлю. Вечером он вернулся к пещере. Сел в центре круга и положил на камень копию кадастрового плана. Потом открыл блокнот и написал: «Сухэбей. Я выкупил землю. В моём времени крепости строят не только из камня. Иногда самая прочная стена это бумага с печатью». Ночью план исчез. А утром на его месте лежал лист блокнота и золото. На нём был нарисован план. Квадрат с кругом внутри. И одна короткая фраза: «Стены начали расти». Спасибо за энциклопедию и книги с детализировкой. Артём долго смотрел на лист и думал как быстро учится этот монгол.. Потом перевёл взгляд на сопку. В двух временах одновременно вокруг неё уже начиналась одна и та же крепость. Но ни

каких признаков былых развалин он не видел. Значит строительство идет в двух параллельных реальностях. Проснувшись утром, Артем первым делом начал рыть траншею вокруг сопки. Артём понимал, что его возможности в XXI веке несоизмеримо шире, чем у любого человека XIII столетия. Он мог покупать технику, материалы, инструменты, изучать архивы, находить карты, финансировать целые проекты. И потому решил помочь своему брату по разуму, жившему восемь веков назад. Пусть Сухэбэй и был бастардом великого Чингисхана, судьба дала им общее дело защитить сопку с древней пещерой. Первым шагом стал трактор. Артём долго выбирал машину: простую, мощную, с доступными запчастями, способную работать вдали от дорог. Когда легкий японский трактор наконец привезли на участок, ему казалось, что он держит в руках ключ к будущему. Одной такой машиной можно было за несколько недель сделать то, на что в XIII веке ушли бы месяцы труда сотен людей. Но реальность XXI века оказалась иной. Через несколько дней к нему приехали люди в военной форме. Разговор был коротким и вежливым, но безапелляционным. В регионе действует режим военного положения. Техника подлежит временному изъятию для нужд обороны. Артём показывал документы, договор купли-продажи, чеки, объяснял, что трактор нужен для сельскохозяйственных работ и строительства. Офицер лишь развёл руками. Понимаю. Но приказ есть приказ. Трактор завели, развернули и увели с участка. Артём стоял молча, пока гул двигателя не растворился за холмами. В тот вечер он впервые по-настоящему осознал: деньги дают возможности, но не гарантируют свободу действий. В XXI веке любую технику могли мобилизовать, любой проект остановить, любую землю изъять под государственные нужды. И тогда он понял главное. Если он хочет помочь Сухэбэю, нельзя полагаться на современные машины. Нужно передавать знания, технологии и организацию, которые невозможно конфисковать. Трактор могли забрать военные, но никто не мог отнять у него инженерные расчёты, схемы укреплений, методы строительства, знания о металлургии, логистике и управлении людьми. Он открыл блокнот и написал Сухэбэю всего одну фразу: «Мы строим крепость не техникой. Мы строим её разумом». Это письмо было прочитано. Но Сухэбэй не понял его. В его реальности все было гораздо проще. У него были ресурсы двух княжеств России и обозы орды. Реальность всегда становилась на сторону силы. Артём понял это в XXI веке, когда у него забрали трактор.

Глава 9

Сухэбэй понял это в XIII веке, когда остался один. Он не стал догонять войско своего отца. В огромной армии Чингисхана он был бы всего лишь одним из тысяч всадников, пусть и бастардом великого хана. Но за войском всегда тянулся другой поток беженцы, разорённые семьи, ремесленники, пастухи, охотники, люди, потерявшие своих вождей и землю. Сухэбэй пошёл следом за армией, но не для того, чтобы присоединиться к ней. Он собирал тех, кого война выбросила на обочину истории. Каждому он говорил одно и то же. Я сын Чингисхана и это моя земля.. По законам военного времени никто не имеет права оставаться вне общего дела. Кто придёт со мной получит защиту, пищу и место в крепости. Кто откажется останется один среди войны. Он объявил военное положение на своей земле. Здесь властью был он сам. Сначала его пленниками стали женщины и дети. Но это не пугало его. Он собирал брошенный скот и юрты. И когда через две недели прибыл к сопке. У него были и пленные татары и воины. Первым делом он начал обучать свою сотню стрельбе из винтовок и минометов. Татары ставили юрты и вначале шарахались. От выстрелов и незнакомых звуков. Но через неделю его временный лагерь ожил. Для себя Сухэбэй поставил две юрты. Одну для наложниц. Другую для себя. Как ни как он хан и сын великого Чингисхана. Застолбив участок вокруг сопки Сухэбэй понял что пришло время заявить о себе. Курск ещё носил на себе следы недавнего разорения. Чёрные пятна пожарищ тянулись вдоль старых улиц, вокруг крепостного холма стояли леса, а за частоколом непрерывно стучали топоры. Город не жил он заново учился жить. За три дня до приезда Сухэбэя в Курское княжество прибыли три гонца. Первый привёз известие. Второй

дары: рулон тонкой ткани, хороший булатный нож и мешок соли. Третий письмо. «Сухэбэй, сын великого хана, желает говорить о мире, торговле и будущем. Он прибудет без войска, с малой свитой». Князь Дмитрий Ольгович перечитал письмо несколько раз. Без войска? спросил он. Боярин Степан пожал плечами. Если это правда, княже, то он либо очень уверен в себе, либо действительно хочет говорить. А если это ловушка? Тогда нас не спасут и стены. Дмитрий молча посмотрел на строящийся город. Я встречу его у ворот. Княже... Нет. Если сын хана приезжает без войска, я не стану прятаться за частоколом. Утром ворота Курска распахнулись. Сухэбэй подъехал на сером коне. За ним следовали лишь восемь всадников. Никаких знамён, никаких барабанов, никакой демонстрации силы. и только автоматы через плечо. Дмитрий ожидал увидеть надменного степного военачальника. Вместо этого увидел человека, который первым спешился и поклонился. Не по-монгольски. Не по-русски. Просто как человек. Князь растерялся на мгновение. Вы хан... Сухэбэй? Да запросто ответил Сухэбей. Сын хана? Сухэбэй спокойно ответил: Я сын своего времени. А происхождение это то, что человек не выбирает. Дмитрий не ожидал такого ответа. Они вошли в город пешком. Сухэбэй внимательно смотрел на строящиеся дома, на кузницы, на людей, которые поднимали новые стены. Хорошо строите. Медленно, ответил князь. Медленно не значит плохо. Когда они вошли в деревянную палату, бояре заняли места вдоль стен. Наступила тишина. Дмитрий начал первым. Скажи прямо. Ты приехал требовать дань? Сухэбэй покачал головой. Нет. По палате прошёл тихий ропот. Тогда чего ты хочешь? Чтобы через десять лет по этой дороге шли купцы, а не войска. Бояре переглянулись. После того, что сделали люди твоего отца, ты говоришь о мире? Сухэбэй долго молчал. Война разрушает города. Но она разрушает и тех, кто её ведёт. Красивые слова. Нет. Очень дорогие слова. Дмитрий внимательно посмотрел на него. Ты не похож на степных князей. Сухэбэй едва заметно улыбнулся. Мне уже говорили это. Он развернул карту. Посмотри. На карте были отмечены реки, дороги, переправы и торговые пути. Курск может стать воротами между Русью и степью. А если другие князья не согласятся? Поэтому я приехал к тебе. Дмитрий поднял взгляд. Почему ко мне? Потому что ты строишь. И что? Человек, который строит, думает о будущем. Князь долго молчал. Что ты предлагаешь? Единый порядок. Боярин Степан не выдержал. Это означает подчинение. Это означает прекращение бесконечных усобиц. Сухэбэй говорил спокойно, без угроз. Каждый князь будет править своей землёй. Но сбор общей дани должен быть единым. Не ради грабежа. Ради дорог, переправ, охраны торговли и мира между княжествами. И кто будет этим заниматься? Сухэбэй посмотрел прямо на Дмитрия. Ты. В палате стало тихо. Я? Да. Дмитрий Ольгович будет главным князем Руси. Он будет собирать установленную дань с остальных княжеств и отвечать за порядок на русских землях. Бояре заговорили сразу. Такого не бывало! Другие князья не признают! Это опасно! Дмитрий поднял руку. Тихо. Он смотрел только на Сухэбэя. Почему именно я? Ответ прозвучал неожиданно. Потому что ты боишься власти. Князь нахмурился. Это упрёк? Нет. Это редкое качество. Тот, кто не боится власти, обычно не умеет ею пользоваться. Дмитрий медленно сел. А если я откажусь? Тогда мы всё равно будем соседями. И ты не поведёшь войско? Нет. Почему? Сухэбэй посмотрел в окно, где плотники поднимали новую башню. Потому что мой отец завоевал достаточно земель. Я хочу построить хотя бы одну. Дмитрий впервые улыбнулся. Станный ты человек. Возможно. Князь встал. Я принимаю предложение. Бояре замерли. Но с одним условием. Каким? Спросил удивляясь Сухэбей. Князь встал сам испугавшись своей смелости Между нами будут отношения. Я отдам тебе в жены свою дочь. Сухэбэй протянул руку. Между нами будут отношения родственные. Дмитрий крепко пожал её. В этот момент оба понимали, что заключают не просто договор. Они пытались построить такой порядок, в котором война перестанет быть единственным способом разговора между государствами. Такой вариант делает переговоры не просто назначением князя, а столкновением двух политических мировоззрений степной власти и более «артёмовского» рационального подхода к государственному устройству. Когда основные условия были согласованы, напряжение в палате заметно

ослабло. Бояре уже перешёптывались между собой, слуги внесли мёд и хлеб, а князь Дмитрий Ольгович впервые позволил себе сесть свободнее. Значит, мы договорились, сказал он. Торговые пути будут открыты, сбор дани станет единым, а между нашими землями установится мир. Сухэбэй не спешил отвечать. Он медленно провёл рукой по карте, лежавшей на столе, и остановил палец на высоком берегу недалеко от Курска. Не совсем. Князь поднял взгляд. Что ещё хан Сухэбэй? На твоей земле, князь, я поставлю крепость. В палате сразу стало тихо. Крепость? переспросил Дмитрий. Да. Большую крепость. Для чего? Сухэбэй посмотрел ему прямо в глаза. Она станет оплотом Орды и вечным напоминанием о величии моего отца. Улыбка исчезла с лица князя. Это не было частью нашего соглашения. Теперь это часть соглашения. Боярин Степан шагнул вперёд. Княже, как же так... Сухэбэй даже не повернул головы. Сядь. Приказал он ему. Степан замер. Голос был спокойным, но в нём прозвучала такая уверенность, что боярин действительно сел. Дмитрий медленно поднялся. Ты говорил о соседстве. И говорю о нём. Сосед не строит крепость на моей земле. Государства строят. Князь почувствовал, как внутри поднимается холод. Значит, это всё-таки подчинение. Сухэбэй покачал головой. Это порядок. Порядок, который охраняют твои стены. Именно. Он снова посмотрел на карту. Скоро падёт Киев. Эти слова прозвучали без торжества, как сообщение о наступлении зимы. После этого Русь перестанет быть киевской. Она станет курской. Дмитрий побледнел. Ты хочешь сделать Курск столицей? Я хочу сделать его центром. Остальные князья никогда этого не примут. Примут. Почему ты так уверен? Потому что после великих поражений люди ищут не свободу, а безопасность. В палате никто не произнёс ни слова. Князь медленно опустился на скамью. Он вдруг понял, что переговоры действительно приняли другой оборот. Пока они говорили о торговле и мире, ему казалось, что перед ним необычный степной князь, склонный к разумным компромиссам. Теперь перед ним сидел человек, который мыслил категориями столетий. Где будет эта крепость? тихо спросил Дмитрий. Сухэбэй указал на место у слияния дорог. Здесь. Это господствующая высота. Я знаю. Оттуда видно всю равнину. Я знаю. Князь долго смотрел на карту. Значит, мне придётся править под твоим надзором. Сухэбэй ответил не сразу. Нет. Тогда как? Под надзором истории. Дмитрий горько усмехнулся. Красивые слова. Не слова, князь. Стены. Он свернул карту и поднялся. Крепость будет построена. Когда Сухэбэй вышел из палаты, бояре окружили князя. Нужно отказаться! Нужно собрать дружину! Нужно предупредить остальные княжества! Дмитрий сидел неподвижно. Потом тихо сказал: Поздно. Почему поздно? Князь посмотрел на ворота, за которыми исчезала фигура Сухэбэя. Потому что мы уже согласились жить в его ханстве. И впервые за всё время он почувствовал не страх перед Ордынским войском, а страх перед человеком, который умел улыбаться во время переговоров и одновременно строил крепость, способную пережить их обоих. На следующее утро Дмитрий Ольгович поднялся на крепостной вал ещё до рассвета. Над рекой стелился туман, плотники уже работали у новых стен, а где-то за посадом перекликались петухи. К нему подошёл боярин Степан. Не спали, княже? А ты бы уснул? Степан промолчал. Что думаешь? Думаю, крепость это цепь. И я так думаю. Они долго смотрели на город. Если он поставит свою крепость, сказал Дмитрий, то любой мой приказ будут сравнивать с его волей. Тогда не позволяй ему поставить её там, где он хочет. Князь покачал головой. Он не спрашивает разрешения. Он уведомляет. В это время Сухэбэй уже был за городом. Вместе с двумя десятками своих людей он объезжал окрестности. Здесь, сказал один из воинов. Сухэбэй остановил коня. Высокий холм господствовал над дорогами, рекой и подступами к Курску. Да. Именно здесь. Он долго молчал, словно сверяя увиденное с какой-то внутренней картой. К нему подъехал молодой сотник. Князь согласился? Согласился с неизбежным. Разве это согласие? Для государств чаще всего да. Сотник нахмурился. Но зачем нам эта крепость? Орда сильна и так. Сухэбэй посмотрел на восходящее солнце. Орда сильна сегодня. А крепость должна быть сильна через сто лет. Он спешился и поднял с земли камень. Войско проходит. Крепость остаётся. К полудню на холм приехал сам Дмитрий. Он был без дружины, только с тем же боярином Сте-

паном. Я хотел увидеть место своими глазами. Сухэбэй кивнул. Смотри. Князь обошёл холм, остановился на краю обрыва и сказал: Ты выбрал лучшую позицию. Поэтому она и нужна. Если здесь появится крепость, она станет сильнее Курска. Возможно. Дмитрий резко повернулся. Ты понимаешь, что это означает? Понимаю. Тогда скажи честно. Если однажды я восстану против Орды, эта крепость ударит по моему городу? Сухэбэй не отвёл взгляда. Да. Ответ был слишком прямым. Степан выругался. Дмитрий закрыл глаза на мгновение. Значит, я отдаю тебе ключ от собственного княжества. Нет. Тогда что? Ты отдаёшь мне гарантию того, что другие князья не уничтожат тебя. Князь усмехнулся. Всегда есть две стороны. Всегда. Наступила долгая пауза. Потом Дмитрий неожиданно сказал: У меня тоже есть условие. Сухэбэй поднял брови. Говори. В крепости будет русский посад. Не только ордынский гарнизон. Мои люди будут жить рядом с твоими. Сотник хотел возразить, но Сухэбэй поднял руку. Почему? Потому что иначе это будет чужая крепость. А ты хочешь, чтобы она стала общей? Я хочу, чтобы мои дети не жили в городе, разделённом стеной. Сухэбэй долго смотрел на него. В этот момент внутри него столкнулись два мира. Сущность монгольского военачальника говорила: крепость должна принадлежать только тому, кто её строит. Разум Артёма отвечал: смешанные поселения рожают торговлю, семьи и интересы, которые труднее разрушить войной. Он медленно кивнул. Хорошо. Дмитрий удивлённо посмотрел на него. Ты согласен? Да. Почему? Потому что крепость, окружённая врагами, рано или поздно падёт. А крепость, окружённая соседями? Имеет шанс пережить империю. Дмитрий впервые за всё время протянул ему руку без колебаний. Тогда давай попробуем построить то, чего ещё не было. Сухэбэй пожал её. Высоко над холмом кружил ястреб. Ни князь, ни сын хана ещё не знали, что именно с этого рукопожатия начнётся история города, который через несколько поколений перестанут считать и русским, и ордынским. Его будут считать просто Курским. Такое продолжение сохраняет напряжение, но делает отношения Сухэбэя и Дмитрия сложнее: они переходят от скрытого принуждения к прагматичному союзу, в котором оба пытаются встроить свои интересы в новый порядок. Люди приходили сначала десятками, потом сотнями. Среди них были кузнецы, плотники, каменщики, коневоды, лучники. Сухэбэй не спрашивал, откуда они. Он спрашивал только, что они умеют делать. Но для защиты крепости он отобрал сотню бойцов и начал их тренировать с оружием 21 века. Он помнил лозунг- Хочешь мира готовься к войне. Так вокруг сопки начала расти не просто крепость, а новое поселение, где каждый был обязан работать на общую защиту. В отличие от Артёма, которому приходилось подчиняться чужим приказам, Сухэбэй сам отдавал приказы. В XIII веке власть принадлежала тому, кто мог защитить людей и заставить их действовать как одно целое. И именно такую власть он начал строить вокруг сопки с пещерой внутри. Сухэбэй получил от Артем не только оружие. Он получил книги. Трактаты по строительству, фортификации, металлургии, организации снабжения и военной науке. Артем не передавал готовых машин он передавал знания, которые могли пережить любую эпоху. Сухэбэй объехал ближайшие города и вывез из них кузницы и плотницкое оборудование. А городское строительство началось не со стен, а с печей. Сухэбэй приказал искать известняк, глину и песок. По чертежам из книг мастера построили обжиговые печи и начали получать прочную известь. Затем они научились смешивать её с обожжённой глиной и древесным пеплом, получая раствор, который твердел даже во влажной среде.

Глава 10

Для XIII века это было почти чудом. Следом пришла очередь железа. Кузнецы не умели делать современную сталь, но книги подсказали им другое: железные стержни, кованые связи, металлические скобы и усиленные каркасы в кладке. Стены крепости рождались не только из камня, но и из железа, связывавшего отдельные блоки в единую конструкцию. Артем предупреждал его: Не пытайся построить XXI век. Построй лучший XIII век. Сухэбэй не собирался менять историю. Он знал, что главное преимущество время. Пока Чингисхан и его сыновья будут вести походы, пока орды будут уходить всё дальше на запад и юг, никто не станет искать

на далёкой сопке небольшую крепость, где люди заняты камнем, железом и печами. Сто лет относительной стабильности казались ему достаточным сроком. Он не хотел создавать империю. Он хотел создать место, которое переживёт империи. В одном из писем Сухэбэй написал Артёму неожиданную фразу: Где бы ты ни находился, один в поле не воин. Любая крепость начинается не со стен, а с людей. Эти слова долго не давали Артёму покоя. Создать свою армию? В XXI веке это звучало почти безумно. Он не мог никому довериться. Каждый новый человек означал риск: вопросы, документы, утечки информации. Нанять рабочих в регионе, где шла война, было почти невозможно люди уезжали, предприятия закрывались, техника исчезала. Тогда Артём решил искать ресурсы там, где государственные механизмы контроля были менее предсказуемыми. Он действовал в приграничной зоне, где война разрушила привычные правила собственности и учёта. Брошенная техника, пустые склады, разорённые хозяйства всё это казалось ему ресурсом, который можно превратить в фундамент будущей крепости. Он захватил сначала трактор. И ни како то там Беларусь и новенький Каматсу. С азиатской жестокостью Артем стал захватывать и людские резервы. Мужчин было мало. Всех забрала война. А вот женщины оставались неся тяжкое бремя этой эпохи. Когда пикап Артёма въехал в украинское село недалеко от границы, он увидел пустые улицы, выбитые окна и покосившиеся заборы. Ветер гонял пыль между полуразрушенными домами, а у колодца молча стояли несколько стариков и женщин. Он остановил машину и вышел. Есть русские? громко спросил он. Люди смотрели на него настороженно, не отвечая. Один седой старик наконец произнёс: А тебе зачем? Поговорить. Сейчас все так говорят. Артём не стал спорить. Он открыл кузов пикапа, достал мешки с крупой, консервы, хлеб и овощи. Потом поставил на старый стол большой котёл. Давайте сначала поедим. Старик продолжал наблюдать за ним, но не двигался. Бесплатно? недоверчиво спросила пожилая женщина. Бесплатно. Через несколько минут под котлом затрещали дрова. Огонь разгорелся, вода закипела, и вскоре по селу поплыл запах горячей еды. Сначала подошли дети, потом женщины. Старики держались в стороне дольше всех, но голод оказался сильнее недоверия. К вечеру за длинным деревянным столом сидели все двенадцать жителей села. Артём молча разливал похлёбку по мискам. Всего двенадцать человек? спросил он. Да, ответил тот самый старик. Все, кто мог уехать, уже уехали. А вы? Старик горько усмехнулся. Нам некуда ехать. Да и не на что. За столом стало тихо. Артём посмотрел на людей и спокойно сказал: Я не обещаю золотых гор. У меня нет богатства и нет чудесных решений. Женщина подняла глаза. Тогда зачем ты приехал? Мне нужны люди. Я могу предложить работу и жильё в Курской области. Не милостыню работу. Кто захочет, поедет добровольно. Кто не захочет, останется здесь. Решение каждый принимает сам. Старик долго молчал, потом спросил: А если это обман? Артём встретился с ним взглядом. После войны люди перестают верить словам. Поэтому я не прошу верить. Я предлагаю выбор. Никто не ответил сразу. Только трещали дрова под котлом, и над столом поднимался пар от горячей еды. Ночевать он остался у старика. А утром весь поселок пришел к нему. За два рейса Артём перевёз всех, кто согласился уехать. Дорога была долгой и тревожной. Люди почти не разговаривали. Каждый вёз с собой одну-две сумки, фотографии, документы и то небольшое, что осталось от прежней жизни. Когда пикап въехал в посёлок, уже начинало темнеть. Старик, сидевший рядом с Артёмом, оглядел пустые улицы и тихо спросил: Здесь кто-нибудь живёт? Живут, ответил Артём. Но многие дома пустуют. Он остановился у ряда старых колхозных домов. Крыши местами просели, заборы покосились, сады заросли, но сами дома были целы. Это и есть ваше новое место? спросила пожилая женщина. Если вы решите остаться, да. Она долго смотрела на дом, потом сказала: После подвала любой дом кажется дворцом. Артём открыл калитку. Здесь нужно будет навести порядок. Починить печи, окна, крыши. Работы много. Мы умеем работать, сказал старик. Мы всю жизнь работали. К ним подошла мать Артёма. Заходите в дом, мягко сказала она. Сначала поужинаете, а потом решим, кто где разместится. Женщина осторожно коснулась её руки. Вы нас совсем не знаете. Мать посмотрела на неё спокойно. Сейчас это не самое главное. В тот

вечер люди впервые за долгое время спали не под звуки артиллерии. Артем лек в своем доме а мама осталась с переселенцами. Артём почти уснул, когда тихо скрипнула дверь. Сначала он подумал, что это мать, и не открыл глаз. Но через мгновение почувствовал, как кто-то осторожно вошёл в комнату и лёг рядом. Чужой запах дым, полынь и дорожная пыль мгновенно дал понять, что это не она. Он не испугался. Наоборот, лежал неподвижно и ждал. У него не было женщин . Он даже не касался губ своих сверстниц. Он ни разу не прижимался к девичьей груди. За последние дни страх словно притупился. Слишком многое произошло, чтобы вздрагивать от каждого шороха. Где-то глубоко внутри проснулась другая память память сущности двадцатипятилетнего монгола, привыкшего жить среди опасности, внезапных решений и людей, которые приходят ночью не случайно. Артём медленно открыл глаза. Я знала, что ты не спишь, тихо произнесла женщина. Он повернул голову. Зачем ты пришла? Спросил Артем все еще находясь в замешательстве. Рядом с ним лежала женщина чуть младше его матери. Она долго молчала, а потом ответила почти шёпотом: Потому что страшно. И потому что ты единственный, кто сегодня дал нам надежду. В комнате снова воцарилась тишина. За окном стрекотали кузнечики, а старый дом тихо потрескивал, будто прислушивался к их молчанию. Разум монгола словно потешаясь над ним просто наблюдал. Но нерешительность юнца была сломлена натиском опытной женщины . Которая истосковалась .по сильному плечу. И тут еже вступил в действие разум монгола . который хоть и не был женат. Но за годы войны овладел не одним женским телом. Руки Артема подчиняясь разуму Сухэбея неспеша раздели женщину приведя ее в смещение и растерянность. Перед ней был юнец с глазами опытного мужчины. И она получила то . Зачем пришла. А сознание Артема получило бесценный опыт обладания женским телом. На следующее утро Артём собрал всех у старого колхозного склада. Я не благодотворитель, сказал он. И вы не беженцы. С сегодняшнего дня вы жители этого посёлка. Здесь будут поля, мастерские и дома. Кто умеет строить строит. Кто умеет чинить технику чинит. Кто умеет работать на земле занимается землёй. Старик медленно кивнул. Значит, начинаем сначала? Нет, ответил Артём. Не сначала. Мы начинаем дальше. Распределив работу между всеми, Артём подозвал старика Тимофеича. Поедешь со мной? Тот молча кивнул. Пикап выехал из посёлка . Дорога к приграничью была пустынной, только ветер гонял пыль по обочинам. Через несколько часов они увидели трактор, который работал на восстановлении пограничной линии. Старик внимательно посмотрел на Артёма. И что теперь? Теперь этот трактор будет работать у нас. Ты уверен? Уверен. Больше они не разговаривали. Потому что Артем вышел из машины и отобрав оружие у троих украинских военных . погрузил их в пикап. Обратно ехали уже двумя машинами: старик вёл пикап, а Артём медленно гнал трактор по разбитой дороге. Двигатель гудел ровно, и этот звук казался ему важнее любых слов. Когда они въехали в посёлок, люди вышли из домов. Трактор! удивлённо сказал кто-то. Теперь начнётся настоящая работа, ответил Артём. Он не стал терять времени. Первым делом разметил линию от посёлка к сопке. Куда копать? спросил старик Тимофеевич. К сопке сказал Артем.. Зачем? Спросил Тимофеич . прикидывая что до сопки будет больше километра. Там должно быть электричество.ответил Артем .Он увез троих пленных и приковал к первым трем в пещере. Трактор медленно опустил ковш и начал рыть длинную траншею под кабель. Земля ложилась ровными пластами по обе стороны. К вечеру тёмная полоса уже тянулась от посёлка к склону сопки. Артём вытер пыль с лица и посмотрел на вход в пещеру. Свет, тихо сказал он. Всё начинается со света. Старик усмехнулся. А я думал, всё начинается с хлеба. Хлеб нужен людям сегодня, ответил Артём. А свет нужен тому, что мы строим завтра. Часть цепей и кандалов которые он готовил Сухэбею пригодились и ему. Он приковывал пленных к месту работы , где они долбили в пещере проем, а он спокойно спал . Все кто мог работать в деревне возделывали поля и готовились к посеву озимых. А в это время Артем с пленными строил ворота в пещеру. И вот наконец за месяц он возвел ворота с подъёмной крышей. Которая хорошо маскировала вход в пещеру. Теперь это был полноценный въезд. За месяц Артему удалось украсть еще три трактора и бензавоз .

Все это он переправил Сухэбею. Но тот просил бронированную технику. Но военные ушли с этого района после его террора. Но скоро он понял, что война не терпит пустоты. Каждое его действие, даже если оно казалось незаметным, меняло обстановку вокруг. Исчезновение техники порождало подозрения, проверки, поиски виновных. Военные структуры по обе стороны границы становились всё нервнее, а приграничье постепенно превращалось в пространство тотального недоверия. Артём всё чаще вспоминал слова Сухэбэя. Тот говорил о людях, а не о машинах. Техника могла исчезнуть, быть потеряна, уничтожена или отобрана. Настоящая сила заключалась не в количестве тракторов или грузовиков, а в способности создать сообщество, которое будет существовать дольше любой войны. Именно тогда Артём впервые задумался, что он повторяет ту же ошибку, которую когда-то совершали все завоеватели: пытается построить крепость из железа, тогда как крепости рождаются из доверия. На шести военнопленных Артём решил остановиться. Он понимал, что каждый новый человек это новый риск, новые вопросы и новые последствия. Свидетели всегда оставались свидетелями, и любая ошибка могла разрушить всё, что он строил. Он всё чаще думал не о технике, а о людях. Именно люди должны были стать основой будущего поселения.

Глава 11

Поэтому он поехал в сторону Коренева, туда, где война уже изменила привычную жизнь. Дорога становилась всё пустынее, разрушенные дома встречались всё чаще, а ощущение опасности нарастало с каждым километром. Он оставил пикап в укрытом месте и некоторое время сидел молча, прислушиваясь к ночи. Внутри него снова сталкивались два человека. Артём, выросший в мирное время, понимал, что переступает черту. Сухэбэй, привыкший мыслить категориями выживания и власти, считал, что в эпоху войны промедление опаснее любого риска. Он взял только самое необходимое и медленно двинулся вперёд. Ночь скрывала разрушенные улицы, обгоревшие деревья и пустые дворы. Ветер шевелил траву, где-то далеко слышался глухой рокот, напоминавший, что война никогда не бывает по-настоящему далёкой. Артём не собирался становиться героем и не искал сражений. Его целью было найти тех, кто потерял дом, семью и надежду, людей, которым можно было предложить не обещания, а возможность начать жизнь заново. Он шёл осторожно, всматриваясь в темноту, и всё яснее понимал: самое опасное в этой ночи не война вокруг, а тот человек, которым он постепенно становился. Он шёл медленно, почти бесшумно. Разрушенные дома темнели по обе стороны улицы, окна казались пустыми глазницами, а ветер время от времени хлопал сорванной жестью на крыше. Ночь в зоне войны была другой. Она не приносила покоя. Она только прятала разрушение. Артём остановился у колодца. Ведро лежало на боку, рядом валялась детская игрушка, покрытая пылью. Он поднял её, повертел в руках и положил обратно. Здесь недавно жили люди, тихо сказал он сам себе. Из глубины двора донёсся слабый звук. Не шаги. Кашель. Он осторожно вошёл во двор. В подвале старого дома кто-то шевельнулся. Кто здесь? спросил женский голос. Не бойтесь, ответил Артём. Я один. Долгое молчание. Потом дверь подвала приоткрылась. На него смотрела женщина лет тридцати пяти. За её спиной стояли две девочки. Вы откуда? Из Курской области. Она не поверила. Зачем вы здесь? Артём некоторое время молчал. Ищу людей. Каких людей? Тех, кому некуда идти. Женщина горько усмехнулась. Тогда вы нашли. Из подвала вышла старуха, затем ещё одна женщина. Мужчины? спросил Артём. Старуха покачала головой. Кто погиб, кто пропал, кто ушёл. Во дворе снова стало тихо. Я могу предложить вам жильё и работу, сказал Артём. Не сегодня и не сейчас. Но могу вывезти вас, если вы захотите. Женщина долго смотрела на него. Почему вы это делаете? Он не сразу нашёл ответ. Потому что крепости строят не стены. Она нахмурилась. Что? Их строят люди. Старуха подошла ближе. А если это обман? Тогда не соглашайтесь. Никто не произнёс ни слова. Наконец одна из девочек тихо спросила: Там есть свет? Артём вспомнил траншею к пещере, кабель, который ещё не был проложен до конца, и генератор, стоявший под навесом. Будет. Девочка кивнула так серьёзно, словно этого ответа было достаточно. Именно в этот момент

Артём понял, что ищет не работников и не поселенцев. Он собирал людей, которым нужно было будущее. А это было гораздо труднее, чем выкопать траншею или построить крепость. Женщина долго молчала, глядя в тёмный двор. Потом вдруг спросила: Почему нас не спасают? Где хваленная советская армия? Артём не ответил. Уже второй месяц здесь хозяйничают бандеровцы. Мы прячемся по подвалам, экономим хлеб, боимся выходить на улицу. Неужели нас никто не защитит? Неужели мы никому не нужны? Куда смотрит Путин? Мы что разменная монета в его политических играх? Её голос дрогнул. Скажите честно... Россия про нас забыла? Артём медленно опустился на старую скамью. Я не знаю. Она посмотрела на него с горечью. Все так говорят. «Не знаю». А мы здесь живём. Или, вернее, выживаем. Старуха тяжело вздохнула. Когда начинается война, человек думает, что государство сильное. Что оно всё видит, всё знает и обязательно придёт. А потом проходят недели... и остаётся только тишина. Иногда тишина страшнее обстрелов, тихо сказала другая женщина. Артём долго смотрел в землю. Я не могу отвечать за тех, кто принимает решения. Тогда кто может? Наверное, никто из тех, кто сейчас рядом с вами. Женщина сжала пальцы. Мы всё ждали. Сначала день, потом неделю, потом месяц. Каждый раз говорили друг другу: «Завтра всё изменится». А завтра становилось похоже на вчера. В подвале заплакал ребёнок. Артём поднял голову. Я не обещаю, что кто-то придёт и всё исправит. Тогда что вы можете? Увезти вас отсюда. Она горько усмехнулась. Это и есть спасение? Нет. Это только возможность перестать ждать. Старуха медленно кивнула. Самое страшное не голод. Самое страшное когда перестаёшь понимать, кому ты нужен. Артём посмотрел на женщин. Вы нужны своим детям. И тем, кто готов взять за вас ответственность. Большого я обещать не могу. Женщина долго молчала, потом тихо сказала: Знаете... честный ответ иногда дороже надежды. За окном снова завыл ветер, и старый дом, казалось, ещё крепче прижал к себе людей, которые слишком долго жили между страхом и ожиданием. Женщина долго смотрела на него, словно пыталась понять, можно ли доверять человеку, которого видит впервые. Если мы поедem, спросила она, что нас там ждёт? Работа. Крыша над головой. И возможность жить без подвала. Старуха покачала головой. Мы уже слишком старые, чтобы начинать сначала. Никто не бывает слишком старым, чтобы перестать бояться. Одна из девочек осторожно подошла к Артёму. А школа там есть? Он улыбнулся. Будет. Вы всё время говорите «будет». Потому что многое ещё не построено. Женщина нахмурилась. Значит, вы сами не уверены. Уверен только в одном: если остаться здесь, ничего не изменится. Снаружи послышался далёкий гул. Все невольно замолчали. Сколько у нас времени? тихо спросила женщина. До рассвета. Так мало? Иногда вся жизнь помещается в одну ночь. Она опустила на ступеньку. Я не хочу бросать дом. Старуха посмотрела на неё усталыми глазами. Дочка, дома уже нет. Остались стены. Эти слова прозвучали так просто, что спорить с ними было невозможно. Женщина закрыла лицо руками. Здесь похоронен мой муж. Его память не останется в этих развалинах, сказала старуха. Она останется в детях. Артём молчал. Он понимал, что никакие доводы не заменят человеку его прошлую жизнь. Наконец женщина поднялась. Хорошо. Мы поедem. Она посмотрела на дочерей. Собирайте вещи. Какие вещи? тихо спросила старшая девочка. В подвале воцарилась тишина. Потом старуха горько улыбнулась. Вот видишь, сказала она. Самое страшное уже случилось. Нам почти нечего собирать. Артём вышел во двор. Небо на востоке начинало светлеть. Он оглянулся на разрушенные дома и впервые почувствовал, что строит не поселение и не крепость. Он собирал осколки чужих жизней, именно это оказалось самым тяжёлым делом. Женщины прижались друг к другу. Лучи фонарей метались по их лицам, выхватывая из темноты испуганные глаза, узлы с вещами и дрожащие руки детей. Во, молодая! выкрикнул один из мужчин, делая шаг вперёд. Иди сюда. Женщина попыталась вырвать руку, но её удержали. Старуха вскрикнула. Не трогайте её! Ироды. Смех прозвучал грубо и пьяно. Артём стоял в тени за их спинами, почти не дыша. Он видел, как меняется выражение лиц женщин: надежда исчезла, остался только животный страх. Он понял, что ещё несколько секунд и всё может стать необратимым. Внутри него снова столкнулись два чело-

века. Один хотел броситься вперёд. Другой требовал не делать ни одного лишнего движения. Но больше ждать было нельзя. Из темноты раздался спокойный голос: Отпусти её. Фонари резко повернулись. Кто здесь? Из-за тел женщин медленно вышел Артём. Он был один. Ты кто такой? спросил один из мужчин, шурясь от света собственного фонаря. Прохожий. Ночью? Война редко спрашивает, когда человеку идти. Они переглянулись. Ты не местный. Нет. Тогда будешь воевать за нас Они расхохотались. Хрупкая фигура парнишки прятавшегося за женскими юбками приводил их в торжество. Артём посмотрел на женщину, которую всё ещё держали за руку. Если будете кормить буду и за вас воевать согласился Артем подходя поближе к ним и поднимая руки. На мгновение повисла тишина. Даже ветер стих. Женщина смотрела на незнакомца с таким выражением, будто не понимала, что происходит. Перед ней стоял обычный парнишка без формы, без знаков отличия, без уверенности победителя. И он отступал и сдавался. У них погасла последняя надежда. И именно это почему-то пугало больше всего. Один из мужчин шагнул вперёд. Ты один? Артём ответил не сразу. Этого достаточно. Никто не двинулся с места. Ночь словно замерла, ожидая, кто первым нарушит тишину. Это сынку мой произнесла женщина разорвав тишину и вызвав всеобщий смех у бандеровцев. Этого жеста я ждал как команды. Блеснуло в свете луны и фонаря лезвие кинжала. Лязг затворов и клацанье падающих автоматов продолжали нарушать тишину ночи. Я вручил фонари в руки женщин и указал им путь. Не торопитесь прошептал я им. И собрав оружие вооружил их. Дав им уйти на пол ста метров я убедился что нет преследования и поспешил за ними. Пикап медленно катился по ночной дороге без света. В темноте деревья сливались в сплошную чёрную стену, а двигатель работал так ровно, что казалось, будто машина сама знает путь. Никто не разговаривал. Женщины молча прижимали к себе тощие котомки, дети дремали, уткнувшись в плечи матерей. За их спинами оставались разрушенные дома, пустые улицы и ночной страх, который ещё долго не отпускал. Когда на востоке появилась бледная полоса рассвета, они постепенно выбрались из зоны, где ещё недавно слышались далёкие раскаты войны. Впереди лежала обычная дорога без видимых заграждений, без суеты, без признаков того, что где-то совсем рядом проходит линия, разделявшая судьбы людей. Артём смотрел на просыпающиеся поля и думал о странной двойственности мира. Казалось невероятным, что за несколько километров отсюда люди прятались в подвалах, а здесь ветер спокойно качал траву, будто войны никогда не существовало.

Глава 12

К вечеру показались первые дома посёлка. Когда пикап остановился у двора, дверь дома распахнулась. Мать вышла навстречу. Она ничего не сказала. Только долго смотрела на Артёма, потом перевела взгляд на женщин и детей, сидевших в машине. Сколько вас? тихо спросила она. Ещё восемь. Мать кивнула, словно уже знала ответ. Заходите в дом. Женщины начали осторожно выходить из пикапа. Мать подошла к сыну совсем близко. Я ждала тебя всю ночь. Артём устало улыбнулся. Я знаю. Она внимательно посмотрела ему в глаза. Ты опять сделал то, что не мог не сделать? Он молчал. Этого молчания было достаточно. Мать тяжело вздохнула и тихо сказала: Тогда пойдём. Эти люди голодные. И только теперь Артём почувствовал, насколько устал. Он посмотрел на посёлок, на старые колхозные дома, на людей, которые уже выходили из дворов, и понял, что привёз с собой не просто новых жителей. Он привёз ещё одну часть войны, которая теперь навсегда поселится в их жизни. «Да, подумал Артём, на распродаже неприятностей я покупаюсь по полной». Любимовка осталась засвеченной. Он понимал, что вернуться туда уже не сможет. Слишком много людей видели его, слишком многое изменилось за одну ночь. Что станет с теми, кто остался в селе, он не знал. Эта неизвестность давила сильнее усталости. Ему было жалко и себя, и тех, кого война оставила без дома, без защиты и без будущего. «Я должен понять, думал он, что именно пытаюсь спасти». Победить в войне, которую ведёт государство, он не мог. Спасение шестерых женщин казалось песчинкой на фоне огромной катастрофы. Но даже песчинка иногда меняет направление ветра.

И всё же он снова поехал туда. Дорога к Кореневу была почти пустой. Лес стоял неподвижно, словно прислушивался к далёким раскатам войны. Неожиданно из-за поворота появились два БТР. Они вышли почти одновременно и перекрыли дорогу. Стоять! Артём затормозил. Военные быстро окружили пикап. Выходи из машины! Он открыл дверь. В чём дело? Офицер даже не посмотрел ему в глаза. Машина изымается. Что? Машина изымается для нужд службы. Вы не понимаете! крикнул Артём. Я вывожу мирных людей! Выходи. Там женщины! Дети! Его резко оттолкнули. Я спасаю людей! Кричал я. Ответом был сильный толчок. Он потерял равновесие, упал на колени, потом лицом в пыль. Сапоги остановились рядом. Не сопротивляйся. Пикап уже отгоняли в сторону. Артём поднял голову. За что? Никто не ответил. «Это же свои», билось у него в голове. «Наши. Русские». Он смотрел, как его машина исчезает за поворотом, и впервые почувствовал не страх, а полное бессилие. Война не спрашивала, кто прав. Она просто перемалывала всех, кто оказывался у неё на пути. Пыль медленно оседала на дороге. Артём поднялся не сразу. Болели плечо и разбитая губа, но сильнее всего болело ощущение, что его только что вычеркнули из собственной картины мира. Офицер подошёл ближе. Документы. Артём молча протянул паспорт. Тот быстро просмотрел страницы. Несовершеннолетний? Да. Офицер поднял на него усталые глаза. Тем более. Ты вообще понимаешь, где находишься? Понимаю. Нет, не понимаешь. Он вернул паспорт. Здесь война. Здесь любой автомобиль может быть использован для эвакуации, снабжения, перевозки раненых. Решения принимаются быстро. А люди? тихо спросил Артём. Те, кого я вывез? Офицер на секунду замолчал. Если ты действительно вывез мирных, это хорошо. Тогда почему вы забрали машину? Потому что война не умеет благодарить. Эти слова прозвучали неожиданно. Артём посмотрел на него внимательнее. Перед ним стоял не жестокий человек, а человек, который слишком долго жил внутри системы, где каждый день приходилось выбирать между плохим и очень плохим. Мне нужно вернуться. Куда? В посёлок. Пешком. Это сорок километров. Значит, будет время подумать. Офицер отвернулся. БТР медленно тронулись с места, и через несколько минут дорога снова опустела. Артём остался один. Он шёл долго. Сначала быстро, потом медленнее. Лес тянулся по обе стороны дороги, солнце поднималось всё выше. «Что я хочу спасти?» снова спрашивал он себя. Не государство. Не границы. Не победу. Людей. Но людей нельзя спасать поодиночке бесконечно. Каждая спасённая семья порождала новую ответственность, новую проблему, новый риск. Он строил посёлок, а война каждый день доказывала, что посёлок слишком мал для чужого горя. К вечеру он вышел к знакомым домам. Это была Любимовка. Он вернулся. Спрятавшись в кустах он стал наблюдать. По улице в свете заходящего солнца проехал бредбери с пушкой. Я осторожно проследовал за ней. Бандеровцы спокойно ходили по улице. Как будто не было ни какой войны. Кто с кем воюет подумал я. Устроившись поудобнее я лег спать. Проснулся за полночь. Поселок спал. Бендеровцы ни кого не боялись и постовой спокойно спал у колес бронированной машины. Я подкрался к постовому и на выдохе ударил его в висок. Он затих и обмяк. Оттащив тело в кусты я раздел его и облачился в его одежду. Слившись со средой врагов проследовал в хату. Осмотрев спальные места насчитал шестерых. Посреди большой комнаты стоял тяжёлый деревянный стол, оставленный усталыми участниками вчерашнего застолья. Все столы после пиршества похожи друг на друга: разбросанные куски хлеба и закуски, опрокинутые тарелки, недопитые стаканы. Они, как немые свидетели, хранили память о том, что ещё несколько часов назад здесь смеялись, спорили, пели и были уверены, что утро наступит так же спокойно, как всегда. Воздух был пропитан запахом самогона, табачного дыма и кислых солений. Я медленно подошёл к столу. Взял рюмку, налил до краёв и одним глотком выпил. Самогон обжёг горло, но не принёс ни облегчения, ни спокойствия. Только ещё острее напомнил, насколько странно выглядело это застывшее человеческое тепло посреди войны. Я застыл у стола. В полумраке комнаты тяжело дышали люди, утомлённые войной, страхом и самогоном. На лавках и прямо на полу лежали шестеро мужчин. Кто-то ворочался во сне, кто-то тихо бормотал что-то невнятное. Сердце

билося так громко, что мне казалось его услышат. «Шестеро», подумал я. И в ту же секунду понял, что дело не в числе. До этой ночи война была для меня дорогами, подвалами, брошенными домами, женщинами с тощими котомками и детьми, которые спрашивали, есть ли где-нибудь свет. Здесь она впервые превратилась в выбор, после которого невозможно остаться прежним. За окном начинал сереть рассвет. Ветер качал старую яблоню, и на мгновение всё выглядело почти мирно. Я вспомнил лицо матери, когда она встречала меня у ворот. Вспомнил девочку, которая спрашивала про школу. Вспомнил старуху, сказавшую: «Дома уже нет. Остались стены». Ради чего я пришёл сюда? Чтобы спасать. Или чтобы научиться убивать? Ответа не было. Это сознание монгола на секунду оставило мой разум. Но поняв что сделало ошибку. Взяло все в свои руки. Я сделал шаг назад, потом ещё один. Война уже изменила меня настолько, что я перестал бояться смерти. Но я всё ещё боялся потерять самого себя. И этот страх оказался сильнее всех остальных. Но это была минутная слабость. Присев у первого тела я определил его как класс опасности номер 1. И устранил ее. Двоих я оставил в живых. Почему не мог объяснить даже самому себе. В их спящих лицах мне почудилось что-то человеческое, какая-то едва уловимая тень добра. Возможно, я просто искал повод доказать себе, что ещё способен делать выбор. Я связал их и усадил в тёмном углу комнаты. Ни звука, тихо сказал я. Если хотите жить, молчите. Они молча кивнули. В их глазах не было ни ненависти, ни вызова только страх и растерянность. Я отвернулся. Война каждый день убеждала меня, что человек становится черствее. Сколько вас было? спросил я. Шестеро, ответил один из них после долгого молчания. Кто ещё должен приехать? Утром ждут группу. Говорили, будет совместная операция. Я внимательно посмотрел на них. Кто старший? Они переглянулись. Не знаем. Приедет командир группы. Комната снова погрузилась в тишину. Дом казался странно мирным. На полу спали люди, за окном едва светлело, а на столе всё ещё стояли недопитые стаканы и тарелки с засохшей закуской. Война будто задержалась за порогом, не решаясь войти в этот дом. Я сидел за столом и ждал рассвета. Когда снаружи послышался шум двигателя, просыпаться было некому. Новенький бредбери медленно подкатил к дому, покачиваясь на разбитой дороге. Из машины вышли трое мужчин. Они смеялись, говорили громко, не оглядывались по сторонам и не выглядели людьми, ожидающими опасности. Они шли к дому вразвалку, словно возвращались с рыбалки, а не с войны. Я смотрел на них и не мог отделаться от одной мысли. «Что это за война? И кто в ней участвует?» Передо мной были не легендарные солдаты и не безжалостные завоеватели. Обычные люди уставшие, небрежные, уверенные, что этот день будет таким же, как вчерашний. И именно это поражало сильнее всего. Как такие люди смогли захватить целый район? Как удерживали его? Где проходит граница между силой, хаосом и страхом. Который парализует целые районы, области и государства с их правителями? Я всё больше понимал, что война редко похожа на то, что о ней пишут в книгах. Она держится не только на дисциплине и приказах. Она держится на чужом ужасе, на растерянности, на разрушенных связях между людьми. И от этого становилось ещё страшнее. И я всё чаще ловил себя на мысли, что боюсь не врагов, а того, кем постепенно становлюсь сам. Они вошли в дом и сразу остановились. Картина была удручающей: их товарищи спали вповалку, а на столе всё ещё стояли недопитые стаканы, разбросанная закуска и за столом спал солдат. Подъём! резкоскомандовал вошедший. Вслед за этим прозвучала короткая фраза на иностранном языке. Халар ю. «Иностранец», мелькнуло у меня в голове. «Военный специалист? Наблюдатель? Репортёр?» Сознание монгола мгновенно выделило эту деталь как самую важную. Я сидел за столом спиной к двери. Если вошедший знал, кто находится в комнате, значит, он наверняка представлял, кто здесь главный. Я не шевелился, ожидая, когда ко мне подойдут. Через мгновение чья-то рука коснулась моего плеча. Я медленно поднялся и повернулся. Передо мной стояли трое. Они смотрели на меня без всякой настороженности. Для них я был всего лишь одним из своих уставшим, пьяным солдатом, которого нужно разбудить. Именно эта уверенность стала их слабостью. За окном я посмотрел бронированную машину. Больше никто не выходил. В комнате

повисла короткая пауза. Затем всё произошло почти одновременно. Старший из них резко обернулся на лежащих, второй попытался сфотографировать, третий безучастно наблюдал. Комната, ещё секунду назад казавшаяся сонной и безжизненной, превратилась в хаос. Только один из них среагировал мгновенно. Тот от кого я не ожидал опасности. Когда тело командира обмякло в моих руках и стоявший у двери водитель был притянут плеткой я получил удар. Иностранец двигался быстро и хладнокровно. Одним резким движением он отбросил меня назад, и тяжёлый стол перевернулся между нами. Через секунду он уже стоял рядом, направив на меня пистолет. Ствол почти касался моего лица. Любой другой человек в этот момент замер бы. Но я был школьником, для которого происходящее казалось нереальным. А внутри меня жила память человека, выросшего в другом веке. Для сознания монгола оружие у лица не было символом неизбежной смерти. Оно было всего лишь предметом, который ещё не успел выстрелить. Наши взгляды встретились. В его глазах мелькнуло удивление. Он ожидал страха. Но увидел совсем другое. Он там увидел свою смерть. Монголы редко берут пленных, а тем более не оставляют в живых тех кто нападает на них. Когда всё закончилось, в доме наступила тяжёлая тишина. Я медленно поднялся, пытаюсь понять, что произошло за последние минуты. Запах самогона смешался с запахом пыли и дыма, а перевернутый стол разделил комнату на две половины прошлую жизнь и ту, которая начиналась сейчас. Тех, кто остался жив, я связал и посадил у стены. Они молчали. В их глазах не было ни ярости, ни смелости только растерянность людей, которые внезапно потеряли привычную уверенность. Боеприпасы есть? спросил я. Один из них молча кивнул в сторону сарая. Через некоторое время двор опустел. Всё происходило быстро, но без суеты. Мне казалось, что время перестало течь нормально: каждое движение было отчётливым, каждое решение необратимым. Они загрузили боеприпасы и топливо. Колонна двинулась в путь ещё до рассвета. Впереди медленно шла тяжёлая машина Бредбери, за ней остальные. Я ехал последним и смотрел на дорогу, уходящую к северу. Над полями поднимался туман, и мир выглядел обманчиво спокойным. Связь между машинами работала, но никто не разговаривал. Я сидел в командирском кресле и думал о том, как странно меняется человек. Ещё недавно я считал себя обычным школьником, а теперь принимал решения, от которых зависели чужие судьбы. Самым тяжёлым оказалось не то, что произошло. Самым тяжёлым было то, что я почти перестал этому удивляться. На впереди идущих машинах сверху загрузили ящики с минами. И водители были предупреждены что при попытке бегства я их просто расстреляю. Мы шли к границе. Печальный опыт встречи с российским блок постом. Эта была территория зеро. Украинцы захватили ее и не знали что с ней делать. А русские не знали что делать с украинцами которые осмелились захватить у захватчиков целый район. А мирные жители были брошены на произвол судьбы. Государство бросило их. Мотивируя это тем что опасается жертв среди мирных жителей. Колонна из трех машин беспрепятственно пересекла государственную границу и проследовала по территории Украины на север. Мы остановились в лесу ещё до темноты. После долгой дороги тело ныло от усталости, руки затекли, а мысли путались. Я долго сидел молча, прислушиваясь к лесу, который жил своей жизнью и словно не замечал войны. Достав пистолет я потренировался в стрельбе. Оружие надо было изучать. Колонны двинулась дальше. Ночь опустилась быстро. Ветки потрескивали от ветра, где-то ухала сова, и только редкие далёкие звуки напоминали, что совсем рядом продолжается чужая борьба. Я связал солдат и уснул.. С рассветом мы снова двинулись в путь. Добравшись до точки 12, я укрыл технику и занялся наблюдением за местностью. Новое оборудование требовало времени, и я постепенно осваивал его, пытаюсь понять, как оно видит мир. Лес с высоты казался спокойным: тёмные кроны деревьев, узкие просеки, редкие следы на дорогах. Но именно эта тишина настораживала сильнее всего. Когда сумерки начали сгущаться, я свернул наблюдение, посадил дрон и отправился дальше. Дорога к пещере показалась бесконечной. Каждый поворот заставлял прислушиваться, каждый шорох оглядываться. И только когда тяжёлые ворота

закрылись за мной, а техника скрылась в темноте пещеры, напряжение наконец отпустило. Я впервые за долгое время почувствовал не уверенность, а простое человеческое облегчение.

Глава 13

Пещера стала не просто убежищем. Она стала единственным местом, где война на несколько часов переставала существовать. Я поставил «Хаммер» точно в центр каменного круга и медленно отошёл. Серые стены пещеры тонули в полумраке, а радужные кольца на полу едва заметно мерцали, словно дышали. Я стоял и ждал, надеясь увидеть, как древняя сила поглотит чудо американской военной техники. На водительском сиденье лежала записка. «Привет, Сухэбэй. Это мой подарок тебе, как и обещал. Артём». Я перечитал её ещё раз и невольно улыбнулся. Между нами лежали века, но несколько строк на листке делали это расстояние почти неощутимым. Я решил дожидаться перехода. Сел у стены, прислонился к холодному камню и сам не заметил, как сон смежил глаза. Проснулся от непривычной тишины. Мерцание исчезло. Я резко поднялся. «Хаммера» больше не было. На его месте стоял массивный дубовый сундук, окованный потемневшим железом. Я подошёл ближе, поднял тяжёлую крышку и увидел золотые монеты, уложенные плотными рядами. Тусклый свет пещеры отражался в их поверхности. Значит, у него всё получилось, тихо сказал я. Эта мысль принесла неожиданное облегчение. Обмен состоялся. Времена снова коснулись друг друга, и где-то далеко, в другом веке, Я взял в руки записку. В ней было написано Ты обещал БМП. Сухэбэй получил машину, о которой не мог даже мечтать. Я с трудом закрыл крышку, Подвел двух пленных, они ухватились за железные ручки и медленно оттащил сундук в дальний конец пещеры. Каменный пол глухо отзывался под его тяжестью. Золото больше не казалось богатством. Оно было ответом. Знаком того, что между мной и Сухэбэем по-прежнему существует невидимый путь, который соединяет не только два времени, но и две судьбы. Затем снова заковал пленных и велел продолжать работать. А сам загнал гусеничный Бредбери до верху груженный боеприпасом и топливом в каменный круг. Быстро написал на листочке «я держу слово о великий хан». Пещера постепенно расширялась, всё больше напоминая настоящий подземный бункер. День за днём каменные стены отступали, появлялись новые помещения, ниши для складов и длинные коридоры. Работа шла непрерывно, и глухой стук инструментов эхом расходился под сводами. Я распределил задачи между пленными, помогавшими обустроить убежище, ещё раз осмотрел вырубленные проходы и убедился, что каждый знает своё дело. Воздух был насыщен запахом сырого камня, цемента и свежей земли. Оставив их за работой, я выбрался наружу. После полумрака пещеры дневной свет ударил в глаза. Равнина встретил меня тишиной, шелестом травы и прохладным ветром. Я глубоко вдохнул и впервые за долгое время почувствовал, что подземное убежище перестаёт быть просто пещерой оно превращается в место, которое может пережить войну. Я пошел пешком в сторону поселка. У поворота его ждала мать. Она увидела его издали и сразу поняла, что ма шины больше нет. Забрали? Он кивнул. Она не стала спрашивать, кто именно. Ты здоров? Да. Она подошла и осторожно коснулась его разбитой губы. Значит, не всё потеряно. Артём посмотрел на дома своего поселка где был мир, где уже горел свет в окнах. Знаешь, мама, я думал, что самое страшное это враги. Нет, сын. А что? Самое страшное когда война заставляет своих перестать видеть друг в друге людей. Он молча опустил на лавку у дома. За этот день он потерял машину. Но приобрёл понимание, что крепость, которую они строили, должна защищать не только от внешней угрозы. Она должна была сохранить в людях способность оставаться людьми. Мама молча взяла его за руку и повела в дом. Сначала поешь, сказала она. На столе уже стояла дымящаяся тарелка борща, рядом лежал свежий хлеб, стояла сметана и кружка горячего чая. Артём сел, и только теперь почувствовал, насколько проголодался. Мать пододвинула к нему хлеб. Ешь. Пока он ел, она рассказывала о посёлке, словно хотела заслонить этими словами всё, что происходило за его пределами. Мы распахали поля под озимые. Старик Петрович говорит, земля хорошая, если осень не подведёт, урожай будет крепкий. Я уже договорила насчёт зерна. На следующей

неделе должны привезти первую партию. Она говорила спокойно, по-хозяйски, перечисляя дела так, будто мир состоял только из них. Женщины разобрали пустые дома, навели порядок. Дети уже бегают по улице, смеются. Представляешь, вчера даже свадьбу обсуждали. Артём поднял глаза. Свадьбу? А что ты удивляешься? Люди жить хотят. Он молча продолжил есть. Мать внимательно посмотрела на него. Ты опять был там? Он не ответил. Я не спрашиваю где именно. Я спрашиваю опять? Да. Она тяжело вздохнула и села напротив. Знаешь, пока тебя нет, здесь жизнь идёт своим чередом. Поля пахутся, крыши чинятся, дети рождаются, люди спорят из-за забора, мирятся, смеются. Жизнь не спрашивает разрешения у войны. Артём опустил ложку. Иногда мне кажется, что я живу сразу в двух мирах. Так и есть. Там люди гибнут, здесь люди сеют пшеницу. Мать кивнула. И знаешь, что страшнее всего? Что? Ты начинаешь считать мирную жизнь чем-то второстепенным. Он молчал. А ведь именно ради неё всё и делается. За окном медленно темнело. Где-то вдалеке лаяла собака, по улице прошли женщины с вёдрами, пахло свежескошенной травой. Артём смотрел в окно и вдруг понял, что за последние месяцы перестал замечать такие вещи. Мать тихо сказала: Пока ты играешь в войну, здесь люди строят будущее. Эти слова ударили сильнее любого упрёка. Он посмотрел на тарелку с борщом, на натруженные руки матери, на дом, который она успела превратить в настоящий дом для десятков чужих людей. И впервые за долгое время подумал, что, возможно, самая важная крепость строится не в пещере. Она строится здесь. Поужинав, Артём вышел на улицу. Небо было чистым, и звёзды мерцали так спокойно, словно никогда не слышали о войне. Лёгкий ветер шевелил траву, где-то вдалеке стрекотали кузнечики. «Да, здесь мирная жизнь», подумал он. Пещера надёжно укрыта. Хозяйство налаживается. Поля распаханы. Люди строят дома, сеют зерно, спорят о цене на доски и радуются дождю. «Зачем мне война?» мелькнула неожиданная мысль. Тихий огонёк экрана смартфона он заметил сразу и насторожился. Но уже через мгновение расслабился. Это была Тоня. Он узнал её ещё до того, как смог разглядеть лицо, по знакомому запаху сена и полевых трав. Она подошла совсем близко, молча взяла его за руку и повела за собой. Куда? тихо спросил он. Пойдём. Они поднялись на сеновал. Внутри пахло сухим сеном, деревом и тёплой летней ночью. Сквозь щели в крыше были видны звёзды. Тоня остановилась и посмотрела на него. Ты всё время уходишь, сказала она. А когда возвращаешься, смотришь так, будто уже снова прощаешься. Он хотел что-то ответить, но не нашёл слов. Она осторожно обняла его. Её руки обвили его шею, а короткий поцелуй оказался не столько проявлением страсти, сколько обещанием, что существует другой мир без приказов, тревоги и ожидания опасности. Артём закрыл глаза. На несколько минут исчезли пещера, оружие, золото, две эпохи и бесконечные решения, которые приходилось принимать каждый день. Остались только звёзды, запах сена и ощущение, что счастье иногда бывает удивительно простым. Именно эта простота испугала его сильнее всего. Потому что она давала надежду своим горячим телом. Этим поселком, этого поля и этих людей, которые, несмотря ни на что, продолжают жить. Проснулся он на рассвете. Осторожно укрыл Тоню старым одеялом, чтобы не потревожить её сон, и тихо вышел во двор. Утро было прохладным, трава серебрилась от росы, а над полями поднимался лёгкий туман. Он сел на трактор и поехал к пещере. Весь день ушёл на работу. До самых сумерек он вывозил из пещеры ненужную породу, расширяя подземные помещения. Каменные стены постепенно отступали, и убежище всё больше напоминало настоящий подземный комплекс. Когда он добрался до каменного круга, сердце невольно забилось быстрее. Машину БМП, которую он оставил там, больше не было. На её месте стоял тяжёлый сундук. Артём некоторое время молча смотрел на него, потом подошёл ближе. Рядом лежала аккуратно сложенная записка. «Спасибо за подарок. Высылаю тебе фото своей крепости. Сухэбэй». Он улыбнулся. Значит, обмен снова состоялся. Оттащив сундук в сторону, он освободил место внутри круга и ещё раз посмотрел на записку. В ней не было ничего лишнего только благодарность и обещание, которое было исполнено. Рядом лежал старый фотоаппарат. Артём осторожно взял его в руки и открыл экран. На снимке возвышалась крепость. Массив-

ные бетонные укрепления поднимались над холмом, башни соединялись толстыми стенами, а вокруг тянулись рвы и укрепленные линии. Это уже не было временным лагерем кочевников. Это было настоящее государство, которое его брат по сознанию строил с упорством человека, знающего, что ему отпущено всего сто лет мира. Артём долго рассматривал фотографию. Он видел не стены. Он видел доказательство того, что два человека, разделённые семью веками, продолжают строить один и тот же замысел. Один в прошлом. Другой в настоящем. И каменный круг в глубине пещеры оставался единственным мостом между их мирами. «А почему только техника?» подумал я. Мысль пришла внезапно и заставила меня похолодеть. А что, если это не просто механизм обмена? Что, если каменный круг настоящий портал между временами? Если через него может пройти не только машина, но и человек? От этой догадки стало тревожно. Я долго ходил по пещере, пытаясь отогнать её, но чем больше думал, тем сильнее понимал: если не проверить, она не даст мне покоя. Боря согласился помочь в опыте, не придавая ему особого значения. Он усмехнулся, когда я попросил его лечь в центр круга. Думаешь, я сбегу? спросил он когда я приковал его к каменному полу. Не знаю, честно ответил я. Я постелил матрас в центре круга, Боря улёгся, закинув руки за голову. Разбудишь, если твой портал заработает, сказал он с улыбкой. Я сел у стены, не сводя глаз с каменных колец. Сначала ничего не происходило. Потом пещеру наполнила тишина странная, плотная, будто она поглощала даже звук собственного дыхания. Боря уснул. Я пытался бороться со сном, но усталость последних дней оказалась сильнее. Веки тяжелели, мысли путались, и в какой-то момент я провалился в темноту. Проснулся резко. Первым делом посмотрел на круг. Матрас лежал на месте. Боря не было, как и не было его оков. Я вскочил, подбежал к кругу, осмотрел пещеру, позвал его по имени. Ответа не было. Только холодный камень и пустой круг. На матрасе осталась лишь вмятина, словно человек исчез мгновение назад. Сердце колотилось так сильно, что я слышал его эхо под сводами пещеры. Это был уже не обмен вещами. Портал забрал человека. И в этот момент я понял, что переступил черту, после которой моя жизнь уже никогда не станет прежней. Но чтобы эксперимент был чистым, я тщательно обыскал всю пещеру. Заглянул в каждый боковой проход, проверил склады, ниши, новые штреки и даже те места, куда редко заходил. Только убедившись, что Боря действительно нигде нет, я позволил себе признать очевидное. Он исчез. В пространственном временном континууме. Я сел на холодный камень и долго смотрел на пустой круг. «Как там у космонавтов?» подумал я. «Сначала отправили собаку, а потом человека». Мысль была неприятной. Я понял, что сам ещё не готов шагнуть в неизвестность. Временное и пространственное перемещение перестало быть красивой фантазией оно превратилось в реальную возможность. Чтобы не думать об этом, я занялся тем, что мог контролировать. Стрелковая подготовка, физические упражнения, работа в пещере. Я доводил себя до изнеможения, надеясь, что усталость заглушит тревогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.